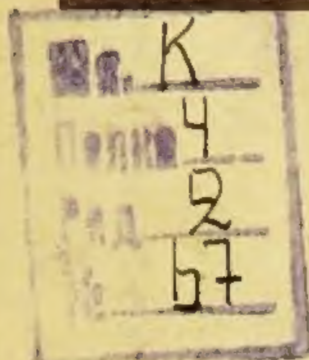
А. А. ИВАНОВ

КАРЕЛИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1—9—2—8

А. А. ИВАНОВ

КАРЕЛИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

Гиз № 23875/л.
Ленинградский Областлит № 54486.
$7^1/_4$ л. Тираж 3 000.

ГЛАВА I.

ПРИРОДА И ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА.

Территория.

Карельская социалистическая советская республика, — или, как она первоначально называлась, Карельская трудовая коммуна, — была образована в 1920 г. из уездов Олонецкого, Петрозаводского (за исключением небольшой части их, присоединенной к Лодейнопольскому у.), западной половины Повенецкого у., б. Олонецкой губ., и почти всего Кемского у. Архангельской губ. В 1922 г. к Карельской ССР присоединена была восточная половина Повенецкого и часть Пудожского у., тяготеющих по сплавным рекам к Онежскому озеру. В 1923 г. к Карелии были присоединены несколько волостей Онежского уезда, тяготеющих по промысловому отходу к Мурману наравне с карельским побережьем Белого моря.

Таким образом, на западе Карелия граничит с Финляндией, на севере по старой границе Кемского у. — с Лапландией (Мурманская губ.), на с.-в. она прилегает к Белому морю, на востоке соприкасается с Архангельской губ., на ю.-в. примыкает к Онежскому озеру и Лодейнопольскому у. и, наконец, с ю.-з. — к Ладожскому озеру.

В теперешних своих границах Карелия занимает площадь в 146 300 *кв. км.*

Устройство поверхности.

По устройству своей поверхности территория Карельской ССР является прямым продолжением Скандинавско-Фин-

ской возвышенности, носящей в науке название «Фенно-Скандии» или «Скандинавского щита». Характерной отличительной особенностью Фенно-Скандии служит обилие озер, расположенных между невысокими горными кряжами или гривами, покрытыми, по преимуществу, хвойным лесом. Озера эти, как и самые горные кряжи и холмы, вытянуты с с.-з. на ю.-в. Если мы взглянем на карту Карелии, в особенности же обратим внимание на северные излучины Онежского озера, нас поразит та правильность, с какой расположены водные пространства к северу от Онежского озера и самые излучины его: последние отходят от озера в одном с.-з. направлении, параллельно одна другой, а между ними расположены каменистые гривы, далеко врезывающиеся в самое озеро. Создается такое впечатление, будто озера, лежащие дальше на север, просто оторванные куски одного великого водовместилища, отнятые природой от их естественного отца — красавца «Онего».

Второй отличительной чертой поверхности Карелии является обилие огромной величины валунов, то сваленных отдельными скалами, то сложенных в правильные гряды с.-з. направления наподобие длинных каменных заборов, называемых здесь «сельгами». Валуны и скалы зачастую гладко обтесаны в ю.-в. уклоне и по своему сходству с черепом барана носят название «бараньих лбов».

Из горных хребтов наибольшей высоты достигает хребет Масельга, расположенный в Повенецком у., высшая точка его — гора Орел, на берегу Пертозера, достигает 1 000 футов. Масельга служит водоразделом между бассейнами Белого моря и Онежского озера.

Краткий геологический очерк.

Как же образовался этот своеобразный ландшафт, так напоминающий Финляндию и такой отличный от ландшафта остальных частей СССР? Он обязан своим происхождением прежде всего твердым кристаллическим породам, которые предста-

вляют собою остатки **архейской** (древнейшей) группы геологических образований. Кроме Карелии, породы эти выступают на поверхность земли в Уральских горах и в так называемой Днепровской кристаллической полосе. В остальных частях СССР породы архейской группы находятся лишь на большой глубине и представляют собой как бы гигантскую каменную чашу, дно которой заливало то частями, то сплошь древнее море. Осадки этого моря и создали нашу Русскую равнину.

К породам архейской группы относятся: наиболее распространенный в Карелии красный гнейс, граниты, гранититы, мрамор различных цветов и оттенков, графит, а также кристаллические сланцы и проч. Вот эти-то породы и сложены в каменистые холмы, идущие грядами по всей Карелии. Теперь, естественно, возникает вопрос: каким образом создались такие огромные каменные массы, и что за силы заставили их вытянуться в продольные гряды?

Ученым долго не удавалось раскрыть загадку образования пород архейской группы. Они, по выражению проф. **Иностранцева**, много работавшего над геологией края, были «петрографическими иероглифами», т. е. такими каменными письменами, прочесть которые ученые затруднялись. Не так давно финляндскому геологу **Седергольму** удалось дать ключ к чтению этих письмен.

Другой крупнейший русский ученый, академик А. Е. **Ферсман**, вот как образно описывает происхождение архейских пород:

«В те отдаленные, еще таинственные времена, когда шло постепенное отрывание расплавленных масс земли, на раскаленной поверхности огненного шара, в тумане паров и газов, рождались первые острова твердой земной коры. Много раз переплавлялись они, погружаясь в глубины, много раз заливались потоками расплавленных масс, но все больше и больше спаивались они в твердую земную оболочку. И среди всех участков этой первичной коры отдельные части оказывались более прочными и сплошными, вокруг них шло

нарастание новых отвердевших масс, — это были те первые острова, прочные щиты земной коры, во всей истории земли остававшиеся ее опорными и неизменными участками. На них лило свой жар солнце, яркие лучи которого прорывались через густую атмосферу еще не сгущавшихся паров и газов, снизу вырывались еще потоки лав, а с ними выбрасывались пары воды и летучих соединений. Море еще не родилось в этом первобытном хаосе, не было еще воды; пустыня владела землею, и вихри ураганов разрушали раскаленную землю своим горячим дыханием ядовитых газов».

Так образовался и щит Фенно-Скандии, распространившийся на весь наш северо-запад. «Этот щит долго однако плавал на расплавленном океане, ломаясь и сгибаясь, смываясь новыми волнами лавового океана, сдуваемый ураганами и отдельными первыми потоками тропического дождя, провозвестника первого моря — будущего океана — Панталассы». Создались, стало быть, древнейшие из древнейших, неизвестные нам первые породы.

«Потом начались новые картины: изверженные породы ворвались в первые осадки дождей и первых соленых морей; гранитные массы своим горячим дыханием растворяли эти осадки и сливались с ними в новую породу, — это те древние гнейсы, пестрые слоистые породы, которыми мы любуемся на берегах Белого моря, часто не догадываясь о тех грандиозных химических превращениях, коим они подверглись в глубинах мировых щитов.

Но вот после долгих периодов, называемых эстеро-ботнийским и ладожским, начались более спокойные картины. Первое море стало отлагать свои прибрежные пески и песчаники, в более глубоких частях морей стали осаждаться известняки и доломиты, где-то около современного Петрозаводска задымились вулканы, расстилавшие свои лавовые потоки и рассеивавшие вокруг пепел своих извержений. Это был ятульский период прошлой истории Фенно-Скандии, когда в хаосе успокоивавшегося моря появились первые признаки жизни, а в прибрежных частях океана неведомые

нам первые растения положили начало скоплениям графита и шунгита».

Все спокойнее и спокойнее становилось на поверхности наших щитов; отложения ботнийского времени покрыли его своими песчаниками и кварцитами, кое-где прорывались еще изверженные массы лав, а на юге щита застывали огромные массивы рапакива, того прекрасного розового гранита, которым мы любуемся в колоннах Казанского и Исаакиевского соборов или в облицовке прекрасных набережных Невы. Мощные пары летучих соединений этих гранитов положили начало богатейшим рудным скоплениям, а в район Белого моря ворвались в виде пегматитовых жил с прозрачною, как стекло, слюдою.

Так окончился архейский период истории Фенно-Скандии, и мы подходим уже к тем моментам, когда в руках ученого появляются первые данные по хронологии, т. е. ископаемые остатки, по которым можно судить о геологическом времени. (Академик А. Е. Ферсман. «Три года за полярным кругом», стр. 71—73.)

Складки, в изобилии покрывающие территорию Карелии,— результат позднейших судеб земли: они порождены дальнейшими охлаждениями земной коры, когда сжатие внутренних слоев земной поверхности вызывало те или другие видоизменения в ее наружном облике. Охватываемая процессами внутреннего охлаждения, земля покрывалась снаружи складками, морщинами, и этим завершалась работа горячих вод, основавших первозданное морское дно.

Следующим крупным преобразователем поверхности нашего края явился ледник. Конечно, от возникновения земной коры в том виде, как это описано выше, до момента появления ледника прошло немало времени. Сменилось несколько геологических эпох; земная кора неоднократно покрывалась морями; на ней началась жизнь, причем живые существа в своем постоянном развитии все больше и больше приближаются к современным. Среди всех этих перемен немало изменений произошло и с основным карельским

массивом. Несмотря на то, что он оставался, повидимому, все время сушей, воздух и вода своим неуклонным и длительным воздействием производили коренные изменения в пределах Фенно-Скандии, а стало быть, и в ее ю.-в. оконечности — Карелии. На долю ледника выпала лишь окончательная роль — завершить разрушение горных пород, разбросать остатки их по всему краю, перенести на тысячи верст от родных мест, отшлифовать то, что осталось нетронутым, одним словом, перетасовать, перестроить все неустойчивое, передвижное и смириться перед вековыми, изначальными, перед гигантскими массами нетронутых древних пород.

Ледник появился в пределах нашего района не сразу, так же как и ушел он не сразу, а постепенно, то удаляясь, то вновь наползая на территорию Карелии. Изучая распространение растений и животных, добытых путем раскопок, мы видим, что климат северного полушария начал меняться еще в период, предшествовавший ледниковой эпохе. Температура воздуха стала падать; гонимые северными холодами, растения и животные, привыкшие к теплу, быстро отодвигаются на юг. На севере появляются, вместо роскошной тропической растительности, сосна и ель. Животные покрывают себя длинной шерстью. Природа готовится к бою.[1]

А в это время на северных высотах, под влиянием постепенного понижения температуры, образуются громадные скопления льда, который начинает медленно и неуклонно сползать к ю.-в. и доходит в своем движении до 50° северной широты.

Мы не знаем, конечно, как возник и двигался великий северный ледник. Картину его движения и пределы его распространения мы определяем только по работе и по тем следам, какие он оставил на своем пути. Но мы знаем работу современных ледников, напр., гренландского, и мо-

---

[1] Образно и научно правдоподобно описана картина оледенения в романе Иенсена «Ледник».

жем, на основании сравнений, восстановить историю победного шествия древнего ледника, покрывшего всю Скандинавию и значительную часть Европейской России.

Там, в Гренландии, на горах, поднимающихся выше снеговой линии, скопляются огромные массы снега. Днем этот снег подтаивает, ночью он снова смерзается, превращаясь в нечто среднее между льдом и снегом — в так называемый «фирн». Фирн — кристаллическое состояние воды, но в то же время он достаточно тягуч и, естественно, при удобном положении гор, начинает медленно сползать с высот, на которых он образовался. При спуске с гор эта обледенелая масса с невероятной силой давит на ту поверхность, по которой она совершает свое разрушительное шествие. Она убирает с своего пути все неровности и уступы, бороздит и шлифует твердые породы, уносит с собой огромные глыбы, скручивает и отделяет друг от друга слои более мягких пород. Так идет эта ледяная река все дальше и дальше от своей родины, засыпая дно свое мельчайшим порошком истерзанных ею пород. Но вот поверхность ледника начинает трескаться, таять. По дну его мчатся бурные потоки, образовавшиеся от все возрастающего трения. Вот, наконец, ледник совершенно обессилен, он бросает свою добычу, которую, быть может, нес тысячи верст, — и умирает, побежденный солнцем.

Так же, вероятно, как современный гренландский, совершал свое шествие и великий северный ледник. Возникши на горных высотах Скандинавии, он двигался в ю.-ю.-в. направлении и производил коренные изменения в устройстве поверхности того района, по которому он проходил. Он обтачивал выступавшие скалы [1] и уносил значительные толщи горных пород, уже выветрившихся с момента своего создания; стирал и сглаживал долины, безжалостно захватывая с собой материал этого разрушения — в виде песка,

[1] Так образовались «бараньи лбы», о которых говорилось выше, стр. 4.

гравия, булыжника и валунов; тая, умирая, он начинал свое отступление тем, что воды его сносили эти материалы в долины и низменности и создавали каменистые гряды или кряжи, вытянутые с с.-с.-з. на ю.-ю.-в. Так образовались «сельги», являющиеся характерной чертой карельского ландшафта.

Наконец, леднику обязаны своим происхождением многочисленные озера края: это он наполнил водой впадины между первозданными складками горных пород, это он вытянул озера в преобладающем направлении с с.-з. на ю.-в.

Ученые полагают, что ледник наступал несколько раз. По крайней мере, установлено два натиска льда со стороны Скандинавии. В конце первого наступления одновременно с таянием ледника произошло опускание суши, вызвавшее наступление моря («Иолдиево море»), которое погрузило в своих глубинах большую часть края. Следы этого моря наблюдаются и сейчас в виде террасы береговых линий и отложений глины с раковинами моллюсков. Иолдиево море соединило Финский залив с Белым морем и захватило нынешнее Ладожское и Онежское озера.

Затем суша вновь поднялась. Море отступило. Повидимому, снова начал работать ледник. И снова происходит наступление моря, называемого «Литторановым». Оно заняло уже гораздо меньшую поверхность.

После окончательного отступления ледника и сопровождавших его морей начинается обычная работа воздуха и воды — размывание и выветривание горных пород, создающее верхний почвенный слой и продолжающееся и доныне.

Так, в кратких чертах, проходили геологические судьбы нашего края. Так устраивалась его поверхность причудливо-своеобразная и резко-отличная от равнинного СССР.

Полезные ископаемые.

Быть может никакой другой край в нашей стране не изучен так плохо в отношении горных богатств, как Карелия. Если про б. Олонецкую губ. еще можно сказать, что она подверглась

обследованиям; если на ее территории работали такие первоклассные ученые, как А. А. Иностранцев; если, наконец, здесь производились даже крупные (сравнительно) разработки природных недр, то северная часть Карелии — б. Кемский у., Архангельской губ., совершенно не затронута изучением.

И прав академик А. Е. Ферсман, когда он говорит, что отсутствие данных о богатствах Карелии не означает вовсе скудости ее природных запасов. «Это лишь условность наших знаний, а не бедность края, это лишь бедность наших исследований перед лицом огромной территории с суровым климатом и тяжелыми условиями передвижения».

Перейдем теперь от этого бодрого взгляда на возможности края к самым ископаемым.

Железо. Первым из недровых богатств, начатых разработкой, были железные руды. О железе, как материале, добываемом в Карелии, говорится еще в великой карельской (финской) эпопее «Калевале». Наиболее распространенными из железных руд являются озерные и болотные, издавна шедшие в переработку в здешней металлургической промышленности. Наиболее чистые руды — озерные. Поэтому руды эти пригодны для целей промышленных, несмотря на свою относительную бедность. Рудоносных озер очень много в уездах Петрозаводском, Повенецком, и, повидимому, Кемском (еще не обследованном). Они лежат большей частью по соседству с Мурманской железной дорогой, так что разработка руд становится экономически возможной. Мощность рудоносного слоя колеблется от нескольких вершков до 1 арш. Содержание чистого железа от 30 до 50%. Из мелких озер очень богаты рудою озера Кончезерско-Укшезерские, Долгие, Кумчезерские, Пявозеро, Юшкозеро и др. Из больших озер — Сямозеро и Выгозеро. Общий запас Выгозера по предварительным исчислениям определяется в 700 и даже больше млн пуд., а Сямозера — в 300 млн пуд.

Кроме озер, рудоносны и болота, их, быть может, даже больше количественно, но по качеству и чистоте болотная руда уступает озерной.

В виде горной руды железо представлено железным блеском и магнитным железняком. Первый распространен в Повенецком у. (села Койкара, Пергуба [1]). Второй, кроме Повенецкого у. (Койкара, Янгозеро, Юркостров), встречается еще в Пудожском (Пудожская гора) и Кемском (у Воицкого водопада и Гибозера.) Местонахождения железного блеска не содержат большого запаса руды, но отличаются своей чистотой и могут быть использованы, при развитии металлургии в крае, для некоторых специальных фабрикатов. В Пудожгорских месторождениях магнитного железняка содержание руды в породе доходит до 40%. Руды с содержанием в 25 и 30% свыше 300 млн пуд. Руда поддается магнитному обогащению. Месторождение это безусловно может быть использовано в промышленных целях, так как оно расположено на берегу Онежского озера, около с. Римского, и водным путем легко соединяется с железной дорогой.

Интересно еще рассыпное месторождение магнитного железняка в дельте р. Олонки при впадении ее в Пявозеро, с запасом около 200 млн пуд.

Медь. Месторождения меди имеются в уездах Петрозаводском и Повенецком, б. Олонецкой губ., и в б. Кемском у., Архангельской губ. Главными районами залегания медных руд являются: полуостров Заонежье, окрестности с. Пергубы, полуостров Горский, районы Кончезерско-Мунозерский, Сегозерский (б. Олонецкая губ.), Муезерский, Шуезерский, Кандалакша-Гридино (Кемский у.). Практически интересно, пожалуй, только одно месторождение Пергубского района — «Воронов Бор», лежащее вблизи полотна железной дороги (150 саж.) и в 1½ верстах от берега Онежского озера. Руда, в виде медного колчедана, сосредоточена в достаточно больших количествах. Она расположена удобно в отношении перевозок и, если судить по опыту Финляндии, заслуживает внимания. В Воронoборском

[1] Некоторые из жильных месторождений района с. Пергуба даже раньше эксплоатировались (напр., «Железная шурфовка».)

месторождении содержится также некоторое количество серебра и золота. Из северных районов медных месторождений разрабатывались ранее кандалакские руды; не так давно (40 лет тому назад) действовал медный рудник около села Ушков, на западном берегу Муезера. Однако все эти разработки теперь оставлены. Несколько интересней шуезерские запасы, где также есть рудник, но они еще недостаточно выяснены.

Самородная медь встречается в месторождениях на полуострове Заонежье.

Свинец. Этот металл обладает счастливой судьбой — на него производились довольно крупные разведки в районе озера Сегозера. К сожалению, практическое значение свинца еще не установлено. Разрабатывался, как это ни странно, свинец в самой глубине Карелии — в д. Лусалме, на Ср. Куйто, где крестьяне кустарным способом переливают свинец на дробь и пули.

Серебро. Серебрно встречается обычно вместе с золотом, как примесь к медным рудам Пергубы, Кончезера и др. Самородное серебро разрабатывалось на знаменитом Медвежьем острове, откуда оно еще в 1732 г. было доставлено в Петербург. Разработка рудника продолжалась до 1736 г., причем добыли 25 пуд. серебра. Потом работы то возобновлялись, то прерывались, оставив после себя печальное воспоминание в виде затопленных шахт и догнивающих построек.

Золото. Как уже только что отмечалось, золото встречается в Карелии в качестве примеси к медным рудам. Наибольшего содержания достигает оно в Вороноборском месторождении (до 3 зол. 36 дол. на 100 пуд. руды.) Разработки рудного золота велись, главным образом, в Воицком руднике (Кемская Карелия), который был открыт в 1732 г. и работал сперва на медь, а потом (с 1745 г.) и на золото. Разработка сначала велась довольно энергично, но вскоре была приостановлена, хотя сведения о золотоносности ледниковых наносов по р. Выгу известны

еще от первой половины прошлого XIX в. Найдено золото также на севере Кемской Карелии — в районе с. Кереть (на островах Кереть, Великий, Карташмыс), но по позднейшим анализам содержание золота в породе колеблется от 0,15 до 2,18 зол. на 100 пуд. руды. Наконец, по рассказам старожилов, которые мне пришлось слышать в Ушкове летом 1914 г., золото добывалось и на западном берегу Муозера.

Самородное золото встречено только в окрестностях Воицкого рудника по р. Сев. Выгу, вблизи Мурманской железной дороги, в виде жильного месторождения. В настоящее время оно выработано; однако есть основания думать, что подобные же золотосодержащие жилы, пронизывающие древние породы, имеются во всем окружающем районе. В районе д. Надвоицкой (Кемская Карелия) золото было установлено и в россыпях с содержанием от нескольких долей до $1^1/_2$ — 2 зол. и выше на 100 пуд. руды.

Цинк. Когда-то были разработки этого металла в районе Умбы и по берегам Порьей губы. Почти всюду сохранились остатки шахт, но в данный момент добыча цинка прекратилась, и, в сущности, самый район месторождения цинковой обманки относится скорей к другому географически обособленному краю — к Лапландии, к Кольскому полуострову.

Когда мы говорим о полезных ископаемых Карелии, мы, несомненно, только по привычке начинаем с металлов, с рудных запасов. Это проистекает из установившегося обычая описывать недровые богатства именно в таком порядке, как мы это делали до сих пор. Между тем для Карелии большое практическое значение имеют именно не рудные богатства. Сюда относятся: слюда, полевой шпат, барит, графит, различные строительные материалы, минеральные краски и т. п. Всем этим Карелия изобилует, и все это, как увидим дальше, в промышленном отношении легко используемо.

Слюда. Большой интерес из полезных ископаемых края возбуждает сейчас слюда. Здесь имеются обильные ее месторождения, удобно расположенные и около берега Белого моря, и вблизи линии Мурманской железной дороги. Слюда отличного качества и когда-то (в XVII в.) славилась на западе под именем стекла св. Марии. Из месторождений, расположенных преимущественно в Кемской Карелии, следует отметить Лоукское озеро близ с. Кереть, окрестности Пулонгских озер, с. Подужемье, в 17 верстах от г. Кеми, и Выгостровское месторождение (в 12 верстах к ю.-в. от ст. Сорока). Близ Лоукского озера сосредоточено до 10 древних выработок, в которых пачки слюды достигают 3—4 дюймов в диаметре. В Выгострове пластины слюды особенно крупны (до полуметра в поперечнике).

Полевой шпат. Весь район Мурманской железной дороги от Кеми до Кандалакши представляет область широкого распространения жил полевого шпата, достигающих большой мощности (10 *м*) и обнажающихся иногда на протяжении 100 *м*. Запасы полевого шпата—при этом чистого и высокого качества — прямо неисчерпаемы, удобны для добывания и способны на многие годы удовлетворять потребностям нашей керамической промышленности. Установлены и приблизительно подсчитаны следующие месторождения полевого шпата: Олений остров в заливе Чупа с запасом до $^1/_2$ млн пуд., Хитоварака и Лоукское озеро, Панфилова варака близ д. Черноречье, Каркана близ с. Подужемье с запасом до 5 млн пуд., Выгостров (до 1 млн пуд.) и др.

Барит. Залежи барита встречены на южном Оленьем острове (в северной части Онежского озера). Барит залегает в виде гнезда и жил среди известняка. Жилы мощностью около $^1/_4$ арш., гнезда диаметром от $^1/_2$ до $1^1/_2$—2 арш. Запасы свыше 1 млн пуд. Транспорт — водный, стало быть, дешевый.

Графит. Россыпи графита хорошего качества найдены в с.-з. углу Кемской Карелии, но коренное месторождение его еще не открыто.

Строительные материалы.

Карелия, сложенная из первозданных горных пород, изобилует строительными материалами весьма высокого качества. Первое место среди них занимают мраморы, особенно так называемые тивдийские мраморы. Карельские мраморы украшают собой Исаакиевский собор, б. Зимний дворец, Этнографический музей в Ленинграде. Они пользуются широкой известностью при всяких художественных отделках, и им, надо думать, предстоит еще немалая будущность, когда наша страна, восстанавливающая свою мощь, перейдет к грандиозным постройкам, долженствующим увековечить теперешнюю эпоху. Очень красиво и разнообразно по рисунку и по краскам Белогорское месторождение мрамора, находящееся к тому же не только вблизи от удобных путей сообщения, но и от могучих запасов белого угля. Известны и с успехом разрабатывались еще месторождения — Лижмозерское на озере Лижмозеро, Перегубское у села того же названия, Мунозерское около с. Спасской Губы и др.

Еще большие запасы полезных ископаемых, чем мраморы, образуют песчаники, кварциты, диабазы, граниты. Они необычайно прочны: установлено для некоторых из них временное сопротивление в 2 000 *кг* на 1 *кв. см*. Кроме того, они необычайно красивы и издавна шли на разные художественные поделки, а шокшинский кварцит был даже вывезен за границу для гробницы Наполеона I в Париже. Лучшие из диабазов и песчаников расположены по западному побережью Онежского озера, где запасы их огромны и сравнительно легко доступны для транспорта. На севере Онежского озера имеются многочисленные выходы темнозеленых роговообманковых диабазов, представляющих прекрасный строительный материал (месторождения Митюковское, Викшламбинское).

Не уступают финляндским также граниты восточного берега Онежского озера. Как хороший плитный материал, давно применяются черные сланцы Нигозера и зеленые сланцы Сунсарских островов.

Наконец, обилие известняков дало богатейший материал для изготовления извести, причем белогорская известь отличается сильной вяжущей способностью. Сейчас эксплоатируются только известняки Оленьих островов.

Выходы различных глин, представляющие мощные залежи зеленоватых и сероватых отложений Иолдиева моря, имеются в Сороке, Кеми, в Гупской губе, у д. Чернореченской и в других местах.

Минеральные краски. Минеральные краски встречаются в западной части Пудожского у. и вообще по побережьям Онежского озера. Это — либо красные железняки и железистые глины, либо черные продукты разрушения углистых сланцев («олонецкая земля»).

Шунгит. Черные сланцы интересны еще и потому, что среди них найден наиболее древний из всех встречаемых в природе видов каменного угля, названный шунгитом (близ с. Шуньги Повенецкого у.). Вопрос об его практическом применении до сих пор еще не решен. Он интересен поэтому скорей как памятник давних геологических отложений, свидетельствующих о том, что и здесь была когда-то органическая жизнь.

Из минеральных источников известны Кончезерские, содержащие, кроме железных соединений, еще и сернокислый натр. Этими водами пользовался в свое время Петр Великий.

Торф. Запасы торфа неисчислимы. Мощность торфяного покрова достигает местами 2—3 арш.

Белый уголь. Нельзя, описывая недровые богатства края, не остановиться на огромных, не использованных еще запасах живой силы, которую таят в себе быстрые реки Карелии. Чтобы составить себе представление об этом богатстве, мы приведем таблицу мощности [1] рек Карелии в ее теперешних границах:

---

[1] Взяты средние величины. В некоторых случаях, в виду необоснованности, взяты предположительные данные.

РЕКА	Общее протяжение (в *км*)	Высота падения (в *м*)	Средний расход воды в секунду (в *куб. м*)	Мощность (лош. сил)
Ковда	100	44	350—400	170 000
Кереть	70	103	30—40	40 000
Кемь (от финл. гран.)	376	170	400 [1]	390 000
Сегежа	50	30	100	30 000
Выг Верхний	130	30	30—50	40 000
Выг Нижний	110	40	200—300	250 000 [2]
Суна (водопад Кивач)	0,2	10,7	—	30 000

Таким образом, реки нашего края сдерживают в своих берегах около миллиона лошадиных сил, которые, вырвавшись, натворят таких чудес, что мы не узнаем сонной, дикой страны, где все первобытно, где, несмотря на близость железной дороги, еще реет дух XVII в.

Жемчуг. Когда-то (в XVII — XVIII вв.) добыча жемчуга на Терском берегу Кольского полуострова и в Карелии являлась значительной доходной статьей в промысловом бюджете местного населения. Наиболее знаменит был жемчуг рек Керети, Кеми, Умбы и Варзуги. Теперь жемчужный промысел заглох, но, говоря об естественных богатствах края, следует отметить и этот дар порожистых карельских рек.

Озера и реки.

Озера занимают в Карелии, по приблизительному подсчету, около 15% всей ее площади. Число озер точно не установлено: оно переходит, во всяком случае, за 2 500.

[1] Средний расход воды у порогов Вагож, Ужма, Путни, где высота падения на 1 *км* составляет от 6 до 7 *м*. В одних порогах можно получить 110 000 лошадиных сил.

[2] Две трети этого количества могут быть взяты из Воицкого водопада и порогов Шаванских, Маткожинских и Выгостровских.

По мнению ученых, озерами покрыта даже большая часть поверхности, чем в Финляндии, и Карелия с большим правом может называть себя «страною тысячи озер». При взгляде на карту это обстоятельство кажется преувеличенным, но вся беда в том, что многие озера либо не нанесены на карту, либо нанесены неправильно.

Вообще же внутренние воды Карелии занимают значительный процент по отношению к остальной территории, как это видно из следующей таблицы:

	Площадь, занятая внутренними водами	Процентное отношение ко всей территории
Б. Олонецкая губ.	25 100 *км*²	16,6
Б. Кемский у.	5 565 113 »	13,7

Красивейшим и имеющим огромное значение в жизни молодой республики является, безусловно, Онежское озеро, или «Онего», как звалось оно в старину и зовется местными жителями и сейчас. Поверхность озера — 9 890 *км*². Оно вытянуто с с.-с.-з. на ю.-ю.-в. Наибольшая ширина 90,61 *км*, наибольшая длина — 245,36 *км*. Береговая линия изрезана, главным образом, в северной и с.-з. части, начиная от Петрозаводска. Здесь мы имеем: Петрозаводскую, Кондопожскую, Лижмскую, Уницкую и Великую губы и залив Заонежский с продолжающим его заливом Повенецким. Часть материка между этим заливом и Уницкой губой образует большой полуостров Заонежье, характерный по своим северным излучинам, идущим параллельно друг другу в основном с.-з. направлении, и наполненный удлиненными озерами, разбросанными среди возвышенных гряд. Да и вся вообще картина северной части Онежского озера как нельзя лучше рассказывает о геологических судьбах края: горные кряжи, параллельно один другому, врезаются в озеро, продолжаясь по дну и выходя на поверхность в виде островов. С другой стороны, как бы продолжением Онего служат бесчисленные озера, расположенные в виде цепей к с.-з. от него и разделенные с ним и

между собой возвышенными перешейками — «сельгами». Наибольшей глубины Онежское озеро достигает также на севере. Здесь, к западу от Заонежья, недалеко от устья Уницкой губы, глубина доходит до 125 *м*. Средняя часть озера имеет глубину 50—60 *м*. В южной части озера глубина около 20 *м*.

Онежское озеро на $33^1/_2$ *м* выше уровня моря (Балтийского).

Свое питание Онего получает от многочисленных рек и речек, впадающих в него. Эти реки и речки, в свою очередь, берут начало или проходят, прежде чем слиться с Онего, через другие озера. Таким образом, Онежское озеро как бы имеет неисчерпаемый запас питательных соков от своих меньших братьев — окружающих водовместилищ. Такова, напр., р. Шуя. «Она вытекает из озера Суоярва в Финляндии, проходит через озера Сондер и Вагат и впадает в Логмозеро, которое протоками соединяется с Петрозаводской губой. Притоки Шуи соединяют ее с целым рядом других озер».

Севернее Шуи впадает в Кондопожскую губу р. Суна, берущая начало из озера Суно, опять-таки проходящая через цепь озер и на своем пути образующая мощные водопады: Пор-порог, Гирвас и Кивач.

Из рек, впадающих в озеро с востока, известны Водла (из озера Водло) и Андома (из Сондозера).

Кроме этих, сравнительно крупных рек, Онежское озеро и на севере и на западе и на с.-з. принимает необъятное количество речек и ручьев.

С юга в Онежское озеро впадает Вытегра, вытекающая из Маткоозера и входящая в Мариинскую систему. Но эта река уже выходит за пределы нашего района.

Кемь — полноводная, но бурная, порожистая река. На своем протяжении только в пределах русской Карелии она насчитывает до 100 порогов и водопадов и за 16 *км* от г. Кеми образует водопад Ужму, мощностью и красотой не уступающий Иматре. Проходя как раз посредине Бело-

морской Карелии, Кемь принимает много притоков, соединенных с мелкими озерами, и служит, поэтому, основной артерией для сплава леса к Белому морю.

Как видно из этого беглого очерка, Карелия изобилует водой. Можно сказать, что карел «на воде родился, водою живет, на воде и умирает». Недаром даже землю и горы олонецкий карел произвел от воды, следующим преданием выразив свое представление о создании мира.

«Сначала в мире была одна вода да ветер: ветер дул, вода волновалась и шумела; неугомонный ропот ее несся к небу и страшно беспокоил бога. Наконец, богу это страшно надоело; разгневанный, он одним словом приказал окаменеть волнам. Волны, как били, так и остановились, окаменели, превратились в горы; отдельные брызги превратились в камни и землю; благодаря дождям в углублениях между гор образовались озера и реки; первоначальную форму волн горы утратили постепенно».

Да и как карелу не считать воду началом всех начал, когда он видит совершенно необъяснимые шутки водной стихии? Мы говорим о реках, временно текущих обратно, временно исчезающих и вновь появляющихся. В пределах теперешней Карелии имеется один особенно характерный случай. Приток р. Шуи, носящий то же название и вытекающий из Укшозера, раз 15 в год поворачивает свое течение и иногда течет обратно в Укшозеро; летом такие повороты реже, чем зимой. Зимой же обыкновенно вода неделю или две бежит в Укшозеро, затем неожиданно поворачивает обратно. Поворот этот сопровождается шумом, напоминающим раскаты грома, иногда раздаются как бы пушечные выстрелы; лед на реке синеет, трескается, наконец, обваливается, тает. Река среди зимы вскрывается; из нее валит пар.

Явление это, поражающее местного жителя, объясняется сравнительно просто. На дне Укшозера и в берегах р. Шуи периодически выходят подземные ключи. При ослаблении действия ключей, уровень озера понижается настолько, что

вода устремляется в него из р. Шуи, а при усиленной деятельности ключей вода течет обратно. Вскрытие реки зимой и появление пара объясняется тем, что вода ключей в это время года значительно теплее речной.

Почвы Карелии.

Граниты и гнейсы, пользующиеся наибольшим распространением по всей территории Карельской республики, в значительной степени определяют и характер почв Карелии. Эти древние породы были частью измельчены движениями ледника, частью выветривались или подвергались различным химическим преобразованиям. В том и другом случае они, естественно, должны были дать начало почвам песчаным, которые преобладают в этом краю, чередуясь лишь с почвами болотными и полуболотными.

Казалось бы, выветриваясь, граниты и гнейсы должны дать в результате своего разрушения каолин, но этого здесь не случилось и именно благодаря другим процессам — подзолообразующим. Песчаные почвы, покрытые вечным хвойным лесом, представляют благоприятную почву для образования подзола. Поэтому мы наблюдаем в пределах Карелии три главных подтипа подзолистых почв: дерновный, подзолистый и подзол.

В северной части края преобладают супеси, которые только на небольшом пространстве, в Шунгской и Мяндусельгской волостях, в местах развития глинистых сланцев, переходят в глинистые пески, суглинки и песчаные глины.

Песчаные почвы наиболее всего развиты в Ребольской, Ругозерской, Пароозерской и Петровско-Ямской волостях, Повенецкого у., близ самого г. Повенца, и в Коловской вол., Пудожского у. «Как на характерную особенность в развитии этой почвы, следует указать на то, что почва эта является всюду спутником обнажений гранита и гнейса. Даже в местах мощного развития супесей, где только вышли на днев-

ную поверхность гранито-гнейсовые породы, тут являются и пески. Иногда длинной, узкой лентой в направлении обнажения этой породы, как, напр., в Мяндусельгской вол., Повенецкого у., по дороге из г. Повенца в с. Карельскую Масельгу, на всем ее протяжении эта связь развития песчаных почв с обнажениями гранитов и гнейсов явно указывает как на происхождение их от этих пород, так и на то, что они являются уже новейшими образованиями современной геологической эпохи, не успев еще под влиянием почвообразовательных процессов, — также и процессов подзолообразования, — перейти в дерновые и подзолистые супеси. Этого рода почвы являются неразвитыми, с незначительным количеством перегноя и мелкозема и с преобладанием скелета малоизмененной материнской породы. Весьма сходной с описанной только что почвой является почва скелетная, встречающаяся сравнительно редко, почти исключительно в Повенецком и Петрозаводском уездах: в первом — в Ребольской вол., около селений Муезеро, Тикозеро, Лендеры, Туливары, и затем в Мяндусельгской вол., в окрестностях селений Совдозера, Юстозера и Свят-Наволока, и в одном месте в Пудожском у., в окрестностях Колодозерского погоста. Почвы этого рода большей частью являются также спутниками обнажений материнской горно-каменной породы и представляют собою продукт неполного выветривания верхних горизонтов, но в Пудожском у. почва этого рода образовалась на ледниковом наносе.[1]

Почвы болотные распадаются на две группы: иловато-болотные и болотно-торфяные. Они занимают от $^1/_5$ до $^1/_3$ части всей территории республики. Происхождение этих двух видов почв различное.

Почвы иловато-болотные образовались благодаря стечению, с одной стороны, удобных для этого водных особенностей, с другой — в силу процессов подзолообразования, когда на гладких площадках с плохим водостоком обнару-

[1] «Олонецкая губерния». Статист. справ., стр. 119—120.

живались пласты орттейна, мешавшие обмену воздушной влаги и приводившие к заболачиванию всей местности.

Болотно-торфяные почвы появились на месте заросших озер, которые в свое время — после отхода ледника — заполнили котловины между сельгами. Распространение болотно-торфяных почв можно наблюдать и в настоящее время (напр., между селениями Спасской Губой и Вахтозером, Петрозаводского у.).

«Существенным отличием описанных двух групп почв является то, что болотно-торфяные почвы представляют собою мощные толщи, иногда в несколько саженей торфа, создавая рыхлую, зыбкую, подчас непроходимую поверхность, тогда как почвы иловато-болотные имеют верхний перегнойно-торфяный горизонт редко толще 2 футов и представляют собой плотную поверхность, с слабо связанным лишь верхним горизонтом». [1]

Климат.

Северное положение Карелии (часть ее лежит даже за Полярным кругом), казалось, должно бы было создать неблагоприятную климатическую обстановку, вызвать суровость климата. Но умеряющее действие озер, Балтийского и Белого морей и отраженное влияние Гольфштрема, — создало климатические условия сравнительно мягкие. Годовая изотерма 1° идет несколько севернее Онежского озера, опускаясь на западе и поднимаясь по мере приближения к Белому морю. Средние январские и июльские температуры видны из следующих таблиц:

	Средняя июля	Средняя января
Кемь	+ 14°	— 11,3°
Повенец	+ 16,7°	— 11,7°
Петрозаводск	+ 15,8°	— 10,2°

Морозов выше 30 — 35°, как общее правило, не бывает. Суровее зимы Кемской Карелии, прилегающей к Кольскому

[1] «Олонецкая губерния». Статист. справ. Там же, стр. 124.

полуострову. Одной из неприятных сторон климата Карелии, пагубно действующей на труд земледельца, являются поздние весенние и ранние осенние заморозки.

Наибольшее количество осадков падает на такое время года, когда земледельцу пора думать об уборке хлеба.

Наименьшее количество осадков наблюдается почти по всему краю в феврале. Затем оно скачками начинает расти: в апреле местами даже меньше, чем в марте; в мае быстро увеличивается; мало изменяется к июню и снова растет к июлю. Снег начинает выпадать уже в сентябре, но незначительно; в октябре он выпадает по всему краю, хотя количество его еще не так велико; в ноябре снег преобладает над другими осадками, в декабре, январе, феврале и марте почти исключительно снежные осадки (некоторое исключение представляет приморская полоса Кемской Карелии); в апреле начинается сдвиг в сторону дождевых осадков; в мае снег выпадает в небольших количествах, а в июне он появляется только к северу от линии Петрозаводск—Вологда, да и то в редкие годы.

Преобладающими ветрами, в общем, являются южные и юго-восточные ветры. Это в особенности заметно весной и зимой. Летом увеличивается число северных и северо-восточных ветров («полунощник»). Сила ветра зимой больше, чем летом. Западная половина ветров сильнее восточной, а наиболее сильные — ветры южные.

Растительный и животный мир.

Вода и скалы... и лес дремучий, тянущийся на сотни верст. «Край непуганой птицы» — как называл Карелию писатель-этнограф М. Пришвин. Действительно, только в такой первозданной стране могут быть лесные пространства, где не бывала нога человека, где простор и приволье разному зверю и птице.

Карелия принадлежит к разряду наиболее залесенных местностей СССР.

Лесной площадью занято 7 790 400 дес.; под лесом — свыше 60% всей площади Карелии.

Почти все пространство Карелии покрыто хвойным лесом, главным образом сосновым. Еловые леса расположены в местах с влажной почвой на западе центральной Карелии.

Ель занимает в Карелии до одной трети всей площади лесов и разбивается на два главных типа: еловый бор и ель речных террас.

Переходя к общей картине карельского леса, мы должны охарактеризовать его как вид «разреженной тайги».

Истребления, причиняемые карельским лесам пожарами и хищнической вырубкой деревьев для устройства на освобожденном месте пашни, привели к появлению особого вида лесного покрова — так называемых «ляд» или «лядин». Это — реденькие, плохие участки елового или смешанного леса, засоренного глухим кустарником ивы, ольхи и осины.

Лядины служат приютом лесных колокольчиков так же, как бор-верещатник усыпан вереском (Calluna vulgaris), который плотным ковром расстилается между редко рассаженными деревьями.

Кроме вереска, все склоны сельг и подножья мощных сосен и елей покрыты различными мхами, плаунами, папоротниками, хвощами и кустами ягодных растений: брусники, черники, костянки, земляники и душистой кумаки (Rubus arcticus). На моховых болотах растут багульник (Ledum palustre), голубика, гоноболь (Vaccinium uliginosum).

Главнейшими представителями чернолесья в Карелии являются береза, рябина, осина и черемуха. В очень небольшом количестве, и то отдельными рощицами, на Онежском озере попадаются липа и черная ольха.

Характерную особенность растительного покрова Карельской республики представляет та неустанная борьба, которую растения ведут с огромными водяными пространствами края. Изо дня в день береговые растения постепенно исчезающих

озер бросают свои отмирающие части на дно водоема. Этим они поднимают дно озера и подготовляют почву для других растений. Мало-по-малу озеро начинает зарастать, заболачиваться. Заболачивание в разных местах происходит по-разному и, конечно, в мелких озерах быстрей, чем в глубоких. Начинается оно обычно от берега и, точно спрут, кольцом обвивает водную поверхность. Не редкость встретить даже теперь (в озерах, окруженных лесом) наглядный образец рождения болота на месте недавнего озера. Только маленькое озеро — «окнище» — посреди топкого болота свидетельствует о том, каким образом выросло здесь это самое болото.

Самый берег заболачивающегося озера состоит из дерновых: вахты, или болотного трилистника, с примесью осоки и пушицы (Eriophorum). Стебли этих растений высылают в воду сеть тончайших корневых волокон — лучших помощников в деле поднятия прибрежного дна. Далее, от берега озера, подвергшегося заболачиванию, растет белый мох, по которому кое-где протянулись стебельки клюквы. Еще дальше, где почва усыхает быстрей и где выше кочки с пушицей, попадаются морошка, кукушкин лен и, наконец, мелкая сосна, подножие которой усеяно той же морошкой и голубикой. Оставшаяся же незаболоченной поверхность воды, если она удобна для растительной жизни, покрывается обыкновенно теми водными растениями, которые встречаются по всему СССР: кувшинками — желтой и белой, камышом, тростником, а около берега — резаком, стрелолистником и проч., между которыми, создавая сплошную пелену, плавают ряска и красовласка.

Животное царство Карелии разнообразно и включает в свой состав, прежде всего, редкое животное, самое крупное из современных оленевых, — лося. Он распространен, хотя и в небольших размерах, по всей Карелии.

Северный олень встречается в большом числе, увеличивающемся по мере приближения к тундровой части Кольского полуострова. В Кемской Карелии он уже употребляется как домашнее животное.

Рысь — «барс» древних письменных памятников — является старинным и типичным представителем карельской лесной фауны. Раньше охота на нее имела крупное промышленное значение. Древняя Русь — Москва и Новгород — много рысьих шкур пропускали на внутренний рынок, а Новгород даже широко транспортировал их за границу.

Песец встречается в с.-в. части Олонецкой Карелии и кое-где в Кемской Карелии. Попадается он крайне редко и промыслового значения не имеет.

Чаще встречается росомаха. Бывает она двух цветов: одна с светлосерой, наподобие седла, полосой по бокам спины, другая — совсем черная. Шкура последней значительно дороже.

Из общераспространенных лесных обывателей мы имеем в Карелии медведя, волка, барсука — «язвец» по-местному, обыкновенную лисицу и лесную куницу. Промысловое значение носят лисица и куница. С волком и медведем борются, как с исконным врагом скота.

Большое промысловое значение имеют следующие типичные насельники карельских лесов — белка обыкновенная и горностай.

К лесной фауне относятся также млекопитающие, живущие в реках нашего края. Фауна эта представлена норкой и выдрой.

Главными представителями полевой и луговой фауны являются разные мыши, истребляемые в изобилии горностаем. На лугах, в стогах сена, ютится ласка. До северных пределов Онежского озера мы встречаем крота, а также зайца-беляка и зайца русского, идущего на север вслед за разрежением лесов под пашню, так сказать, невольного эмигранта из более южных мест.

Обилие лесов и вод создало здесь, в Карелии, и соответствующую фауну птиц. На долю птиц лесных и водных приходится $^9/_{10}$ всех видов, а на долю птиц открытых пространств — лугов и полей — только $^1/_{10}$. И, опять-таки, эта фауна — переселенцы, прилетевшие сюда вместе с раз-

витием хлебопашества и луговодства. Примером, подтверждающим факт эмиграции, может служить серая куропатка. Она еще в середине, примерно, XIX в. не была известна олончанам, а теперь попадается в южной части Карелии. Рассказывают, что, когда серая куропатка впервые появилась здесь, население считало ее, как белку, перекочевавшей из Сибири и прозвало «сибирской куропаткой»; только потом, узнав, что она водится в России, ее стали называть «полевым рябчиком». Перепелка, принадлежащая к полевым обитателям, также встречается в южной части Карелии и доходит в жаркое лето даже до Повенца. Из мелких полевых встречается жаворонок, а на лугах— пиголица, дергач, по-здешнему — кречко. Даже доходит до Петрозаводска соловей. Вот, в главном, представители птичьего царства открытых и полуоткрытых мест.

Среди типично-лесных птиц на первом месте стоят птицы куриные, т. е. различные породы тетеревей: глухарь,[1] черный тетерев,[2] белая куропатка и рябчик. Хотя все они имеют промышленное значение, но исключительным успехом у охотника-карела пользуется рябчик, составляющий вместе с белкой основную статью охотничьего промысла.

Богата и разнообразна также фауна птиц водоплавающих и болотных. Дикие утки, гуси, залетные морские утки — составляют неизменную принадлежность карельских вод. Из водных птиц типичны: гагара, громким криком постоянно напоминающая о своем местопребывании, и дикие лебеди, составляющие незабываемое зрелище на глади девственных карельских озер. Гагара вьет пловучие гнезда, в которых кладет два-три яйца.

Берега озер и обширные болота дают приют куликам и журавлям.

---

[1] Глухарь-самец именуется здесь «можником», глушица — «копало».
[2] По-местному, самец — «косач», самка — «тетерка».

Из пресмыкающихся встречаются *ящерицы*, из змей распространена *гадюка*. Земноводные представлены *жабой, лягушкой, тритоном*.

Разнообразно царство рыб. Число всех видов рыб, встречающихся в водах Онежского бассейна, по словам проф. *Кесслера*, простирается до 43. Если к этому прибавить воды Белого моря и рек, в него впадающих, то число это далеко превышает полсотню.

В бассейне Онежского озера преобладают рыбы *карповые* и *лососевые*. Более крупные и съедобные карповые рыбы: *язь, плотва, лещ, елец*. Лососевые *озерные*: *палия, ряпушка, сиг*. Палия отличается нежным и вкусным мясом. К сожалению, не годится для дальних перевозок.

Лососевые *озерные* и *речные*: лосось, таймень, корюшка.

Наиболее крупными рыбами являются: *щука* и *палия*. Первые достигают 2—4 пуд., вторые $1^1/_2$ — 2 пуд. Бич рыбных богатств Карелии — *колюшка* (трехиглая и многоиглая): она безжалостно уничтожает икру речных и озерных рыб и наносит непоправимый ущерб северному рыбному хозяйству.

В Кемской Карелии крупное промышленное значение имеет *семга*.

Фауна насекомых богаче всего представлена *жесткокрылыми*, или *жуками*, затем идут *перепончатокрылые* и *чешуекрылые*, или *бабочки*, и *двукрылые*, или *мухи*. Бедны отряды *полукрылых*, *сетчатокрылых* и *прямокрылых*.

Среди насекомых всех этих отрядов преобладают чисто лесные формы.

ГЛАВА II.

НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО СОСТАВ.

История края.

В местностях, окружающих КССР, и именно среди береговых дюн юго-восточных и восточных берегов Онежского озера, у Лужандозера и Тудозера, в окрестностях Кенозера, Свиного озера и Кумбас озера, наконец, еще восточнее — на берегах р. Онеги, ученые нашли множество кремневых орудий. Эти находки дают право отнести первобытного человека, жившего здесь, к так называемому «каменному веку». Возникает лишь вопрос — к какому периоду каменного века надо причислить первоначального насельника этих мест. В науке установлено два периода каменного века — древнейший (палеолитический), совпадающий с ледниковой эпохой (см. стр. 7), и новый, более культурный (неолитический). Первый из них, палеолитический, характерен тем, что к остаткам животного царства относятся здесь кости вымерших великанов — мамонта, носорога и пещерного медведя, а впоследствии, ближе к неолитическому периоду, — еще кости северного оленя. Человек от палеолитического периода оставил нам грубые, выбитые из кремня и вообще из сланцевых пород, орудия охоты и домашнего обихода. Палеолитический период характеризуется также отсутствием могил и какого-либо почитания мертвых. Искусство не развито совершенно, и только в переходное время, а в особенности в неолитический

период, мы встречаемся с гончарным производством, причем глиняные изделия украшаются незатейливым рисунком, который все усложняется и растет, как растет и совершенствуется и само гончарное искусство.

Отличительными же признаками неолитического периода считается полировка и шлифовка кремневых орудий. Остатки животного и растительного царства из неолитичеслого периода близки к современным.

В районах, близких к Карелии, мы имеем остатки и того и другого периодов, с той только разницей, что палеолитический период обнаружен значительно южнее Карелии; следы же ясно выраженного неолитического периода обнаружены почти что в границах современной Карелии. Как бы то ни было, мы можем утверждать, что южная часть Карельской республики и отчасти ее восток были заселены за несколько тысячелетий до нашей исторической эры.

Первые сведения, относящиеся к историческому периоду, мы находим в скандинавских сагах, где говорится о «Карналанде» — обширной области, лежавшей между Финским заливом и Белым морем. В нее входила, таким образом, большая часть нынешней Финляндии, часть Ленинградской губ. и вся современная Карелия. Населяли ее финские племена: карела, чудь, а на севере — лопо. Повидимому, границы Карналандии не замыкались пределами Белого моря, так как ряд названий на восток от Архангельска свидетельствуют о нахождении здесь карел, по имени которых и была названа самая страна. Кто знает, быть может, древняя Биармия,[1] такая чудесная в скандинавских сагах, — Биармия, где бог носил имя Юмалы и где роскошь сочеталась с правильно устроенным государственным механизмом, — быть может, эта Биармия лишь восточный конец единой Карналандии?

---

[1] Биармия — сказочно-богатое государство к востоку от Сев. Двины.

И не в предприимчивом ли и торговом духе северо-восточного отдаленного государства искать нам разгадку коммерческих склонностей современного карела, столь отличного в этом отношении от остальных обитателей севера?

Но об этом — в дальнейшем. Сейчас же, на основании скандинавских саг и русских летописных сведений, можно лишь с уверенностью сказать, что карелы жили до соприкосновения со славянами — и даже долгое время после общения с ними — восточнее и южнее тех границ, какие отведены сейчас Карельской ССР. Почти с достоверностью можно считать, что карелы в древности (и не такой седой!) жили, во всяком случае, по берегам Белого моря и, в частности, в пределах нынешних уездов: Онежского, Архангельского и Холмогорского. Юго-западный берег Белого моря, населенный теперь исключительно русскими, и до сих пор носит название Карельского берега. Затем, при устьи р. Двины стоит монастырь, называемый Никольским-Карельским, и из истории этого монастыря видно, что он был основан в 1410 г. Евфимием среди карел, живших тогда по морскому побережью между русскими поселенцами и, по грамотам Соловецкого монастыря, известных под названием карельских детей. Одно из четырех устьев р. Сев. Двины долго называлось Карельским. В 21 версте от Архангельска есть дер. Карела (официально — Больше-Карельская, Лявленской вол.), а в Холмогорском у. одно селение носит название Вашкаранда (официально Вашкаранская, Ломоносовской вол.), но «вашкаранда» — это карельское слово (вашкиэ-ранда) и в буквальном переводе по-русски означает: медный берег. В Кемском и Онежском Поморьи гора называется «варака» (по-карельски — вуара), а вместо «не понимаю» — иногда говорят «не малтаю» (по-карельски—эммалта). В Онежском у., в 42 верстах от г. Онеги, есть дер. Карельская (в Кокоринской вол.), в 205 верстах — дер. Карелова (в Новолоцкой вол.).

Центром древней Карелии был район Ладожского озера. Отсюда шли карелы к северу и востоку — к берегам Белого

моря и Сев. Двины, с тем, чтобы с востока, под влиянием московской колонизации, передвинуться опять на запад и северо-запад вдоль морского берега.[1]

Раньше однако, чем с Москвой, началось соприкосновение карел с Новгородом. Первый раз в наших летописях карелы упоминаются под 1143 г. — при сообщении об их войне с «емью», родственным финским племенем, давшим современное население Финляндии. Дальше сведения о карелах идут по двум основным направлениям: то о них говорится как о военной силе, направленной против русских или действующей в союзе с ними; то карелы рассматриваются как данники Новгорода, как поставщики пушнины, рыбы, морского зверя и т. д.

Как военная сила карелы очень часто упоминаются в русских документах в качестве союзников Новгорода не только в борьбе последнего с другими финскими племенами, но даже в походе новгородцев на русские области: напр., в 1149 г. карелы шли на суздальцев бок-о-бок с коренными новгородскими отрядами.

В 1191 г. они вновь воюют вместе с новгородцами с емью: «вошли в Емьскую землю, секли скот, сожгли хлеб и воротились здоровыми».

Но уже в 1278 г. «князь Дмитрий и новгородцы и со всею Низовскою землею казни карелы и взя землю их на щит». С этого момента начинается борьба за карел между их западными соседями и новгородцами. В этой борьбе карелы являются силой скорей пассивной, чем активной. Нередко они ведут взаимную войну, разбившись на карелу русскую (новгородскую) и немецкую (шведскую).

Так, в 1284 г. немцы (шведы), под предводительством Трунды, приплыли в Карелию по Неве и Ладожскому озеру

---

[1] Норманны застали карел на востоке нынешней Финляндии еще в начале IX в.: король Эрих Эмундсен (умер в 833 г.) проникал до Карелии. В 877 г. Торольер Квельдуфсон, воевода короля Гарольда Гарфагара, в союзе с финским племенем квенов разбил карел.

с целью обратить жителей в своих данников, но были разбиты новгородским посадником Симеоном.

К концу XIII и началу XIV в. борьба за Карелию между шведами и Новгородом достигает своего апогея. Шведы к этому времени основывают неподалеку от карельской границы города: Выборг, Кексгольм и Ландскрону, и с 1291 г. начинают регулярно нападать на Карелию. В 1301 г. новгородцы разрушают Ландскрону, а в 1302 г. вместе с карелами отвечают набегом на Норвегию.

Шведы решают действовать не в открытом поле, а созданием заговоров. В 1314 г. они успешно подговаривают карел перебить русских, находящихся в городе Карельске, и передать город шведам. Новгородцы наступают на мятежный Карельск. Население выдает изменников, и власть Великого Новгорода восстанавливается.

Как бы то ни было, часть карел в первой половине XIV в. была покорена шведами, и с этих пор начинается самая трагическая страница карельской истории, быть может не имеющая равной себе в истории других народностей. Напр., в 1638 г. карелы ведут междоусобную войну: шведы со своею карелою нападают на новгородскую карелу — обонежскую, а новгородцы идут походом на карелу городецкую, жившую около Выборга и являвшуюся данником шведов.

Такое положение создает большой соблазн в войсках, частые перебеги и шаткость военного успеха. Обе стороны — и шведы и новгородцы — понимают это, и в 1339 г. заключают мир, по которому шведы должны рубить и вешать у себя карелу, перебегавшую от Новгорода, а новгородцы, в свою очередь, отвечают тем же по отношению к перебежчикам из шведской карелы. Характерно, что новгородцы взяли на себя обязательство не щадить даже крещеных беглецов: такова сила военно-хозяйственного интереса.

Утратив свое самостоятельное национальное лицо, карелы на всем протяжении их дальнейшей исторической

судьбы находятся под постоянным воздействием чужеземной военной силы. В 1579, 1580, 1590 и 1599 гг. их грабят «каянские немцы», входившие в Карелию рр. Кемью и Ковдою. На защиту от этих грабителей строятся остроги: Кемский и Сумский. Под 1419 г. мы находим известие о нападении на Карельский погост в Арзуге (Варгузе) и на Поморье норвежцев, которым, повидимому, под руководством и воздействием новгородцев, карелы ответили в 1444 г. военным погромом. Не остается Карелия покойной и в Смутное время: ее грабят и разоряют литовские люди и казаки.

Помимо чисто политических причин на судьбы карельского народа оказали огромное влияние причины экономические и, в первую очередь, голод, пагубные результаты которого сказывались на карельском народе с особенной силой. Голод — явление обычное в Карелии. При бедности тамошних урожаев, при плохом подвозе хлеба извне, у карельского населения единственный путь к спасению — бегство из насиженных мест, — бегство, сопряженное с полной утерей всего имущества, с полным разрывом с родным краем. История знает случаи административного выселения целых карельских волостей в губ. Новгородскую и Тверскую, причем есть основания предполагать, что причиной такой передвижки был именно голод.

Численность карельского племени.

Главная масса карел живет в Финляндии, где они занимают восточную часть этого государства. Финляндских карел свыше 1 млн, но точных данных об их численности нет, так как при переписях их не выделяли в особую этнографическую группу.

В СССР по переписи 1920 г. заявили родным языком — карельский 148 935 чел., причем в этот подсчет безусловно не входит Кемский у., Архангельской губ.; по всей территории последней губернии перепись 1920 г. установила

только 127 карел; кроме того, ряд хозяйств б. Олонецкой губ. остался неописанным (см. ниже).

Главная масса карел живет сейчас попрежнему в губерниях: б. Олонецкой (теперь Карельская ССР) — 83 946 чел., Тверской — 46 338 чел., Ленинградской — 10 614 чел., Новгородской — 1 306 чел., Череповецкой — 6 269 чел., и мелкими гнездами по всей России, даже в далекой Енисейской губ., отмечено 116 карел.

Нет никаких сомнений в том, что число карел значительно больше и что часть из них не пожелала объявить родным языком карельский. В частности, быстрое уменьшение карельского населения Тверской губ. объясняется не только тем обстоятельством, что карелы слились с русскими и утратили свой язык, а какими-то более сложными причинами. То же явление наблюдается и по другим губерниям России (Ярославской, Новгородской и т. д.).

Численность населения КССР.

Общая численность населения Карелии, по переписи 17 декабря 1926 г., выражается в следующих цифрах: мужчин 129 397, женщин 138 202, обоего пола 267 599 чел.

На города и поселки приходится 22,5% всего населения, на сельские местности и полосу железной дороги 77,5%.

Треть этого населения падает на центральную часть Карелии — на г. Петрозаводск и Петрозаводский у.

Плотность населения.

По переписи 1926 г. плотность населения Карельской республики около 2,5 чел. на 1 *кв. км.* Ближе всего подходит к средней плотности населения Республики уезд Петрозаводский. Чем дальше на север, тем меньше плотность и тем меньшее значение имеет в ней население городских поселений.

Убыль населения идет почти в геометрической прогрессии.

Народное образование.

По переписи 1920 г. в тогдашней Карельской трудовой коммуне было грамотных на 1 000 населения: мужчин — 497, женщин — 291; обоего пола — 383. Если принять во внимание, что в среднем по РСФСР с автономными областями и республиками (и даже с Украиной) приходилось грамотных на 1 000 населения: мужчин — 409, женщин — 244 и обоего пола — 319, то следует признать Карелию по грамотности превосходящей многие центральные губернии.

Этнографический состав населения.

Карелы. Население Карельской республики наполовину карелы (49%) всего населения) и наполовину великоруссы (примерно, 51%). Из всех сохранившихся финских племен карелы наиболее культурны и предприимчивы. Несмотря на жестокие удары истории и скудость природы той страны, где они осели, карелы упорно хранят свой язык, свои сказки и предания и стойко борются за свое существование.

Способность карел к восприятию культуры особенно заметна среди финских карел, которые поголовно грамотны и имеют письменность, общую с финляндской.

Карелы издавна живут бок-о-бок с русскими. Известный исследователь славяно-финских культурных отношений, М. П. Веске, таким образом определяет[1] первоначальное жительство карельского племени на русской территории: «Карелы, т. е. «люди, занимающиеся скотоводством», и ямь жили в Заволжьи[2] в то время, когда туда пришли русские.

---

[1] «Известия О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском Университете», т. VIII, вып. 2, 1890 г. Исследования М. П. Веске. «Славяно-финские культурные отношения по данным языка».

[2] Страна «за волоком» — между реками бассейнов Белого моря и озер Онежского, Белого и Ладожского. Другими словами, область рек Северной Двины и Онеги.

Жительство карел на русской территории.

«Карелы и ямь не были там первоначальными жителями: до них на этих обширных пространствах жили другие финские племена. Это были предки или близкие родственники прикамских финнов (зырян и т. п.) или же остяков, вогулов или других вымерших племен. Карелы и ямь, т. е. часть прибалтийских финнов Финляндии и Остзейских губерний, некогда, по всей вероятности, принуждены были переселиться на крайний север из тех мест, где впоследствии находилось собственное Новгородское государство, т. е. из земель около Ильменя и к югу от него». Данные языка приводят этого кропотливого исследователя даже к еще более точному указанию на первоначальное поселение карел в пределах Европейской России: «Финские племена, как западные, так и восточные, имели значительное количество слов, очевидно, тождественных с славянскими словами, но последние очень часто заимствованы были не в настоящих, новейших формах, а в таких древних, из которых уже впоследствии, как учит языковедение, развились формы всех новых славянских наречий.

Таких заимствованных слов, которые встречаются одинаково в прибалтийских и приволжских финских наречиях, не мало. Это значит, что они заимствованы в то время, когда упомянутые финские племена составляли один народ. Славяне никогда не жили на севере России, о мордве этого также никто не предполагал, вследствие чего нужно принять, что предки прибалтийских финнов (а, стало быть, и карел. *А. И.*) когда-то должны были жить на юго-восток от теперешнего их местопребывания, так что они с одной стороны могли быть соседями нынешних приволжских финнов, а с другой стороны — соседями славян и литовцев. Центром природных этих прибалтийских финских племен были, надо полагать, Валдайские горы, особенно южные склоны их, откуда те же финны распространились по рекам, которые берут здесь свое начало. [1]

---

[1] Там же, стр. 137—138.

И, действительно, следы карел мы находим в самых разнообразных местах СССР: в Смоленской, Калужской, Ярославской, Владимирской, Тамбовской и других губерниях. О карелах губерний Тверской, Новгородской, Череповецкой, Онежской и Архангельской мы уже сообщали; в Вологодской губ., на границе с Череповецкой (Кирилловский у.), есть три селения, жители которых по происхождению карелы.

Нет никаких оснований относить все эти карельские островки к древнейшему переселенческому потоку этого племени. Больше того, в отношении новгородских и тверских карел можно считать доказанным их позднейшее поселение в этих местах, происшедшее в результате перевода части карел с их второй — приладожско-прионежской — родины. Но очень показателен самый факт живучести этого племени в сплошном великорусском окружении на протяжении многих и многих веков.

Переходя к карелам, населяющим нашу маленькую советскую республику, остановимся на их внешнем облике, характере, привычках и верованиях; познакомимся с их костюмом, пищей, жилищем, наконец, — с их творчеством и занятиями.

По наружности карелы ближе всех финских племен подходят к русским. Большей частью среднего роста, с правильной формой головы, широкоскулые, русые и голубоглазые, — они только приподнятостью глазных прорезей, так называемой «раскосостью», обнаруживают свое отличие от коренных великоруссов-поморов. Примесь великорусского элемента сказывается у карел очень часто: даже голубые глаза, характерные для всей «чуди белоглазой», уступают место серым и карим, волосы становятся волнистыми, а борода — густой и рыжеватой. Лицевой угол, вообще значительный, зачастую доходит до 70°, т. е. равен московскому.

Выражение лица открытое и ясное. В движениях — бодрость, проворство и сметливость, выработанные долгой борьбой с непокорной природой — бурными и порожистыми реками и ежечасными опасностями.

Карельские женщины большего роста, чем русские. Высокий прямой лоб, светлорусые волосы, продолговатое, правильное лицо, стройность стана, — все это делает их красивыми в молодости.

Мягкий, уступчивый по характеру, карел может быть чрезвычайно упрямым. Недаром есть поговорка: «зажги карела, он и в три года не сгорит».

Карел необычайно честен, гостеприимен и общителен — даже до болтливости. Последним качеством он резко отличается от угрюмого и молчаливого соседа — финна. Во время своих странствований по Карелии (и в последний год перед войной, и даже в эпоху гражданской войны) нам постоянно приходилось сталкиваться с исключительной честностью карел и с их хлебосольством. Так, зачастую на какой-нибудь глухой тропинке мы находили «примету» — свежую засечку на вековой сосне, а где-нибудь поблизости от нее на ветке утерянную путником вещь. И в тех селениях, которые лежали дальше, нас спрашивали: «не ваша ли потеря?» С чувством незабываемой благодарности вспоминаем мы также, как в разгар гражданской войны (март 1920 г.), когда тяготы фронта легли и на Повенецкую Карелию, нас, — случайных путников, стороной объезжавших большие дороги, — кормили свежей налимьей ухой и отводили лучшее место для сна...

Нам приходилось наблюдать и живость, общительность карельского характера. В июле-августе 1914 г., вместе с первой мобилизацией, мы с целой флотилией лодок отправились из с. Ухты (Кемского у.) в г. Кемь. Как ни устали гребцы за день работы, на привалах, во всех встречных деревушках, пиликала гармоника, водили неизменное «лансэ», и долго слышались говор и песни.

Живость карела, его способность быстро схватывать основы чужой культуры — сделали из него человека, легко приспособляющегося к любым условиям. В Лусалме (Кемского у.) мне с гордостью показывали письма из Америки от родных, которые перебрались туда и хорошо устроились.

С некоторой гордостью содержатель земской станции рассказывал про одного своего земляка: «Да что? Он на девяти языках говорит!»

Воровство среди карел — большая редкость. Во многих глухих деревнях не существует ни замков, ни запоров. В лесных избушках оставляются рыболовные и охотничьи принадлежности — топоры, сети, ружья; целое лето и осенью до санного пути висит там вяленая рыба, стоят бочки с соленой рыбой, лежат груды добытой птицы, — и никто не тронет чужого. В этом отношении карел — родной брат своему честному одноплеменнику — финну.

Что же касается торговли, исполнения разных подрядов на работы и других обязательств, то карел не прочь сплутовать, взять за плохой товар втридорога, солгать и нарушить обещание. Хотя карела и нельзя назвать расточительным, но он вообще редко делает запасы на черный день. Когда у него есть лишние деньги, то, закупивши прежде всего хлеба, чаю, кофе, сахару и кренделей — это любимая закуска к чаю, — он старается завести получше одежду, которой вообще любит пощеголять, сделать какую-нибудь пристройку к избе, оклеить горницу дешевыми обоями, приобрести что-нибудь из хозяйственной утвари или из предметов домашнего комфорта, о котором постоянно мечтает каждый мало-мальски зажиточный карел. [1]

Живут карелы по преимуществу по берегам рек и озер. Такой выбор мест для своих поселений показателен для всего вообще севера; он как нельзя лучше раскрывает перед нами колонизационный характер распространения здесь человеческого жилья. Реки были первыми путями сообщения. Даже сейчас для многих мест Карелии (особливо Кемской) они остаются единственным связующим звеном с остальным миром. Кроме того, реки и озера изобилуют рыбой, столь необходимой для первоначального поселенца, еще не перешедшего к оседлому хозяйству. Естественно,

---

[1] И. В. Оленев. «Карельский край», стр. 89—90.

поэтому, что по берегам рек и озер оседает человеческая масса, толкаемая с юга на север могучим колонизационным напором.

Карельские деревни чрезвычайно похожи одна на другую. В отличие от великорусских поселений, скученных и построенных с претензией на правильность («чтоб улица была»), карельская деревня поражает разбросанностью домов: каждый строится там, где ему понравилось, и не стесняется местом. Очень часто под боком, при доме, — и огород и даже целое поле. От этого деревни Карелии, в большинстве незначительные (дворов 20 — 30), растянуты иногда на протяжении версты-двух. Только в таких больших селах, как Ухта и др., встретите вы намек на улицу и стремление обуздать эту привычку к «широкой жизни».

Жилые постройки карелы располагают обыкновенно в виде буквы Г. Так как на севере обилие лесных материалов, то дома строятся высокие и просторные. Бревна снаружи обтесываются, чтобы не так скоро сгнили. С улицы вы попадаете в сени, откуда две лестницы ведут — одна в избу, другая в горницу для приема гостей. Рядом с сенями — помещение для саней, место стоянки приезжих лошадей («тангуо») и кладовая («анта»). Сзади помещается двор, а над ним сеновал, на который есть особый покатый въезд с улицы. Неподалеку от дома, на берегу озера или реки, — баня, до которой карел большой любитель. Тут же козлы для просушки сетей и навес для хранения рыболовных снастей. На берегу озера или сзади дома — амбары, которые обычно устроены таким образом, что крыша перед входом поддерживается двумя столбами, а сруб несколько уменьшен: создается опять-таки навес для сбережения ловецких принадлежностей.

Внутренность карельской избы мало разнится от любой великорусской нашего севера. Налево от входа — огромная русская печь, занимающая, примерно, четвертую часть всего помещения. Сложена печь не из кирпича, а из гранитного плитняка.

Рядом с печным устьем — иногда по обеим сторонам его — устраиваются очаги для варки пищи (пизи). Над очагами — крючки для надвешиванья котелков и кофейников.

По стенам идут лавки, причем неизбежной принадлежностью боковой из них является станок для вязанья сетей, который редко бывает свободен: карел неустанно готовит невод или мережу, так как рыбная ловля служит существенным (если не главным) подспорьем в бюджете карельской семьи.

В противоположность великороссу, карел помещает обеденный стол не в углу, а посредине передней стены. Второе характерное отличие — малое количество, а зачастую и отсутствие икон в красном углу. Возникает даже сомнение,— принято ли вообще в Карелии держать в избах иконы. Но при более тщательном осмотре легко заметить узенькую полочку на стене, на которой помещаются на высоте человеческого роста старинные маленькие створчатые медные образа (складни), обделанные иногда прекрасной эмалью.

Против входа рядом с печкой — полати. По стенам — полки, а перед печным устьем — длинная палка, на которую карел насаживает для просушки свои хлебные лепешки — решки.

Рядом с избой очень часто устраивается горница. Это — «небольшая, но довольно чистенькая комната. Стены обиты дешевыми обоями, пол выкрашен желтою, а потолок светло-синею краскою. В углу помещается небольшая печка; против нее — кровать с красными чистыми занавесками. Против входа небольшой шкаф с чайной посудой; рядом на стене — недорогие часы с боем. В переднем углу небольшой стол, около которого и у стен расставлено до полдюжины стульев. В углу над столом помещается «мирская» икона спасителя; перед иконой довольно порядочная хрустальная лампада, с привешенной над нею, на синей узкой ленте, скорлупою лебединого яйца. Посреди комнаты, под потолком, висит группа вроде люстры, сделанная из стеблей какой-то злаковой травы и кругом увешанная скорлупами

утиных яиц. Такую группу можно заметить почти в каждой горнице карела.

По стенам наклеены лубочные картины религиозного и военного содержания, а на передней стене, посредине, двумя узкими лычками прикреплен ряд фотографических карточек. Революция внесла в это убранство свои перемены: картинку духовного содержания вытесняет (а то и уживается бок-о-бок с ней) какой-нибудь революционный плакат, занесенный сюда демобилизованными красноармейцами.

Переходим теперь к описанию того, чем и как питается карельское население.

«Обычная пища карела — соленая рыба, хлеб с маслом и творог, а в посты — картофель, репа, ягоды и грибы; праздничный же стол обильнее, разнообразнее и обыкновенно состоит из следующих блюд: несколько пирогов с разными сортами рыбы (кала-кукко); сначала, напр., подают пирог из щуки или ряпушки, потом из сига, харпуса или лосося; затем идет уха из той же рыбы, причем сваренную рыбу едят отдельно от ухи, что составляет как бы отдельное блюдо; после ухи следует пшенная или ячменная каша (гутту), блины с кашей на молоке (каккарат) и блины без каши (шульчинат). Из печений, кроме пирогов с рыбою, распространены: ячменные и пшеничные лепешки, оладьи и пирожки с кашей. Дрожжей в Карелии не употребляют, а тесто приготовляется пресное или на опаре (закваске). Хлеб едят в праздники больше в виде бутербродов, поэтому на стол всегда ставится тарелка с маслом. Мясо можно встретить только за столом богатого карела, да и то редко.

Интересно, что многие карелы не употребляют в пищу мяса домашних животных, не могут даже смотреть на него без отвращения, но весной и осенью, во время охотничьего сезона, охотно едят мясо оленей, лосей и лесной птицы. Зайцев и телят не едят вовсе, считая их погаными. В уху из соленой рыбы, а также и в мясные щи кладут несколько горстей ржаной муки; такие кушанья по-карельски называются рокка.

В пище карел вообще крайне не экономен; когда хорошо ловится рыба или дичь, он ест до отвалу, не думая о запасах на будущее; поэтому в зимнее время, когда рыба ловится плохо, при неурожае овощей и грибов, многим приходится питаться кушаньем, известным под шуточным названием в е з и - р о к к а (водяные щи), т. е. хлебом с водою. В большом употреблении у бедняков также м я м м и, засоделая, жидкая, сладковатая на вкус мучная опара.

Кофе и чай во время пирушки почти целый день не сходят со стола. Водка на праздниках — редкость, особенно летом, вы никогда здесь не встретите того повального пьянства, какое в обычае на русских деревенских пирушках...» Так описывает И. В. О л е н е в[1] обычный и праздничный стол кемских карел. Добавим к этому, что одной из излюбленных странностей рыбных блюд карельского обихода является довольно сильный запах, который издает рыба, независимо от того, подается ли она в пироге или варится, присоленная в ухе. Этот «душок» любят карелы, и, надо думать, он происходит не столько от гастрономических потребностей, сколько от недостатка соли. Не редкость также подмесь к муке в карельском хлебе толченой сосновой коры, молотой соломы, белого мха и метелок какой-то болотной травы. От этого карельский хлеб плотен, тяжел и горек на вкус. Приготовляют карелы эту подмесь к муке чрезвычайно просто. «Слушай, — говорит С. В. М а к с и м о в у[2] один помор, житель с. Керети, — что они делают: весной с молоденькой сосны обдирают они кожурину, под кожуриной обрезывают заболонь — мягкая такая, жирная на этот раз. Заболонь они эту на солнышке сушат, затем в печи. Затем ее в иготи толкут, а либо между жерновами растирают, и выходит из нее словно бы мука — пыль такая. Этой пыли берут три части, да одну часть муки оржаной, мешают вместе — тесто делают, из теста лепешки крутят.

---

[1] И. В. О л е н е в. «Карельский Край», стр. 92.

[2] С. Б. М а к с и м о в. «Год на севере», стр. 167.

Вот и реска или решка, горькая-прегорькая, рассыпчатая, что песок, — городской собаке дай: рыло отворотит».

Если добавить к этому, что и такого хлеба карелам иногда не хватает, и они принуждены бывают бежать на юг или к Белому морю в поисках работы и пропитания, — картина бедственного положения продовольственного дела в Карелии станет очевидной.

Костюм карела ближе к европейскому, чем к русскому, причем некоторое своеобразие осталось лишь в одежде стариков; молодежь же наряжается по-современному.

Старики носят поверх костюма длинный кафтан, наподобие малороссийской свитки (кафтана). Этот наряд, повидимому, единственный остаток старообрядческих черт в мужском костюме карела.

Будничная женская одежда—«холщевая рубаха с ситцевыми рукавами, крашеный или пестрядиный сарафан, летом сверху надевается кофта, а зимой короткое пальто или шубка на меху» (И. В. Оленев). На ногах — легкие «кеньги», род наших сандалий, только без подошвы (сделаны из одного куска кожи), которые прикрепляются к ноге веревками, или «ступни», «выступки» — нечто вроде полусапожек, только с еще большим срезом. Ноги обертываются в онучи, или надеваются чулки, большей частью шерстяные. На голове платок и повойник — «сорокка».

Праздничный наряд карельской девушки состоит из белой коленкоровой или полотняной рубашки с короткими рукавами, концы которых оторочены кружевами. Поверх рубашки — кумачевый шерстяной или шелковый сарафан, смотря по богатству. На плечах небольшой шерстяной или шелковый платок с разводами, скрещенный на груди и прикрепленный концами по сторонам талии. На груди — брошка, на шее — бусы; на руках — браслеты и кольца. Голова перехвачена неширокой красной или голубой повязкой, а в косу вплетены длинные яркие ленты. Замужние женщины, вместо грудного платка, надевают короткую прямую кофту, отороченную тесьмой или позументами; вместо

будничного «сорокка», голову покрывает новый нарядный повойник, частенько из парчи. Быть в праздник в кеньгах не полагается: все девицы и женщины обуты в башмаки или полусапожки. Зимой для работы около дома надевается, очень схожий с мужским, шерстяной домотканый «ка́фтани» (кафтан), а в праздники и в поездку «шубейка» — меховое пальто, обычного деревенского покроя.

Кой-где у старых карелок сохранились еще старинные — «досюльные» — наряды. Надо сказать, что они созданы, по всей видимости, под сильным влиянием старообрядчества. Так, когда мне пришлось фотографировать одну женщину в с. Кестеньге, Кемского у., и она вышла из-за перегородки, переодетая в старинный костюм, на меня пахнуло «керженскими лесами», «сказанием о граде Китеже» и уединенным скитским житьем. Есть в этом костюме что-то одновременно и монашеское, и в высшей степени мирское, даже излишне роскошное. Рубаха — белая полотняная, с красной вышивкой на концах рукавов. Сарафан из дорогой старинной материи — штофный, с причудливыми разводами, а по середине его, от шеи до подола, идет довольно широкая двусторонняя парчевая нашивка и много-много близко поставленных друг от друга медных пуговок, расположенных попарно. На голову надевается красный шелковый платок и парчевая повязка с жемчугом. Сарафан — как стихарь, а платок, повязка — все это от мира, далекого, искусственного...

От внешнего быта карельской семьи перейдем к ее внутреннему строю, наконец, — к творчеству карел и к остаткам тех старинных обычаев и навыков, которые в данный момент либо быстро отмирают, либо осуждены на исчезновение в самом непродолжительном времени.

Карел — хороший семьянин. Несмотря на частые отлучки из дому (на лесной промысел, на Мурман, раньше — офеней в Финляндию), случаи взаимных измен и расторгнутых браков чрезвычайно редки. Если сейчас, при новом строе, такое явление легко объяснить свободой брачного

союза, то и раньше оно, безусловно, проистекало из известного уважения к праву девушки выйти замуж по выбору, а не насильственно. Такой рабский пережиток, как избиение своей жены, встречается очень редко.

Каждая карельская девушка, как думает карел, имеет свое «лэмба» — репутацию, славу свою, как невеста.

Вот этот-то «лэмба» — как знак уважения — до сих пор носит на себе карельская девушка. Она хранит его как зеницу ока и заботится поднять и возвысить («лэмба сордуй») свою девическую славу. Хорошее поведение, скромность, опытность в хозяйстве, красота — главнейшие особенности «лэмба». И по традиции этот «лемба» укрепляется, усиливается искусственно. Для этого существует ряд действий, связанных либо с летними праздниками, либо с обращением к знахарке с неизбежными заговорами.

В большинстве случаев свадьбы в Карелии происходят в зимние месяцы — январь-февраль. И больше свободного времени, и все родные дома, а не на далеких мурманских промыслах или на опасных лесных сплавах...

Очень любопытен как самый обряд сватовства, так и весь ход свадьбы. Нам приходилось записывать его в разных местах Карелии. И везде в нем чувствуются отзвуки какой-то старой обрядности, смысл которой теперь в значительной мере утрачен, но которая, несомненно, нашла свое отражение в песнях—рунах—Калевалы. Даже «плачи», которыми сопровождается свадьба, — прямые отрывки из Калевалы.

Местом, где постоянно встречаются молодые люди, является «кизяпирти» — изба для игр, или место праздничных сборищ карельской молодежи. В некоторых селах (если не ошибаюсь, напр., в Логовараке, Кемского у.) кизяпирти — площадка под четырехскатным навесом, установленным на четырех же столбах, на околице села.

Здесь жених подает намеченной им невесте платок и спрашивает: «лягет-ко миула мнегех» («желаешь ли идти за меня замуж?»). В случае согласия девушка берет кончик

платка и отвечает утвердительно. Вслед за этим засылается к родителям невесты сват с «дружкой» (шафер). О своем приходе сваты нередко предупреждают родных выстрелами из ружья. В старину сватовство происходило значительно торжественней: сваты подъезжали к дому невесты поздно вечером на лошадях с колокольчиками. Иногда обставлялось это таинственностью, и самое сватовство переносилось на глубокую ночь.

Свадьба совершается сразу же по окончании сватовства, иногда вечером того же дня. Денежный залог является гарантией со стороны того, кто просит об отсрочке дня свадьбы.

Время до венца невеста употребляет на приготовление и сбор приданого и на прощание с родными и подругами. Последнее сопровождается специально сложенными «плачами», причем невеста льет обильные слезы и низко кланяется, а особая «плачея» — большая мастерица своего дела — произносит складные причитания, в которых восхваляется то или другое лицо. За это «плачею» вознаграждают пятаками, поступающими в пользу невесты. Особенно трогательны, конечно, причитания, обращенные к матери: дочь благодарит ее за любовь и попечения, — за то, что она берегла ее во время девичества, не будила рано по утрам для работы и т. п. У ней оставит она свою девичью «золотую волюшку» в полной надежде, что мать сохранит ее лучше всех. «Оставила бы ее, — возглашает за невесту плачея, — подругам-девушкам, они растаскают по беседам; оставила бы малым девушкам, — те глупы еще, не сумеют сберечь. Оставлю лучше — бедное дитя — ее у тебя, ты надежнее других сохранишь ее. Положи ее у окошечка, когда стоскуешься по мне, приди к нему и полюбуйся на вольную волюшку своего родимого дитятка...» и т. д. [1]

---

[1] «Из быта и верований карел Олонецкой губ.», ст. П. М. («Олон. губ. вед.» за 1892 г., отд. оттиск, стр. 46).

Если плакальщица — самое дорогое лицо перед свадьбой, то во время брачного обряда таким незаменимым человеком является «падивашка» (карельское название колдуна). Вообще роль колдунов в Карелии, где мало школ и недостаточно простых фельдшерских пунктов, к сожалению, очень значительна.

В день свадьбы жених в сопровождении падивашки, шаферов (дружков), свата и своих родных отправляется к невесте. Здесь падивашка ножом делает в хлебе, принесенном сватом, круглую выемку, насыпает туда соли и закрывает вырезанной хлебной корочкой. Немножко соли завязывает он в узелок платка и передает невесте с соответствующими заклинаниями от «порчи» и от «дурного глаза». Затем происходит взаимный обмен подарками, причем падивашка получает шейный платок и вышитое полотенце, которым он подвязывается до конца обряда.

Невеста в это время, одетая в лучшие девичьи наряды и под покрывалом, помещается за занавеской в углу комнаты, не показываясь ни жениху, ни гостям.

Из своего укромного убежища невеста выходит только тогда, когда красивый подросток, пройдя к ней за занавеску, приподнимет покрывало, взглянет ей в лицо и сядет на колени. Затем невесту под покрывалом же выводят к жениху и спрашивают, та ли это девушка, за которую он сватался. Жених отдергивает покрывало, узнает суженую и ведет ее к столу, где приготовлено небольшое угощение.

После угощения все встают, очень долго молятся, и невеста с плакальщицей садится в переднем углу, крепко держа косу с лентами, а подружки силой расплетают ее и поочередно причесывают. Ленты тут же раздаются матерью невесты ее подружкам: кончилась «вольная волюшка девичья». Во время всей этой процедуры расплетения косы и последующих плакальщица или невеста (реже) причитают, причем большинство «причетов» — наследие глубокой древности и взято из Калевалы.

Когда коса расплетена, невеста кланяется в ноги падивашке и просит его сберечь ее замужнюю жизнь от всяких несчастий и лишений. Начинается последнее прощание с родными; невеста прежде всего просит мать простить ее и снабдить приданым. После этого ее уводят за занавеску и одевают «по-замужнему»: волосы заплетают в две косы, а на голову, вместо узкой повязки, одевается сорокка (повойник). Уже в этом наряде отец обводит невесту три раза вокруг сундука с приданым, с каждым кругом присаживаясь на нем. Занавеска открывается, и невеста некоторое время, закрыв лицо руками, сидит на сундуке, пока падивашка не положит на полку над ее головой топор, чтобы устранить злого духа порчи, и пока жених, подойдя к невесте и взяв за руку, не обойдет с ней трижды же вокруг стола.

Начинается пир, а после него невеста отправляется в дом жениха. В церковь, в виду ее отдаленности, идут не сразу, а иногда спустя год-два. Вообще, карел довольно равнодушен к церковному обряду и очень часто совсем не прибегает к «помощи» священника. В тех случаях, когда венчание происходит до переезда невесты в дом жениха, после «первого стола» свадебная процессия направляется в церковь. Впереди идет падивашка с хлебом, завязанным в платок, и за платок ведет жениха, который, в свою очередь, за платок же ведет невесту. За ними шествуют родные жениха, а позади их «провожатые» невесты. Невеста до самой церкви идет закрытая большим платком, также возвращается она в дом жениха, где падивашка снимает с нее платок и начинается свадебный пир.

Творчество карел.

Неоднократно в предыдущем изложении нам приходилось ссылаться на Калевалу и приводить из нее выдержки, как бы протягивая связующие нити между прошлым и настоящим карельского племени.

Что же такое Калевала? Каково в общих чертах ее содержание? Как отразилась в ней жизнь маленького народа, любящего свой язык, свою культуру и свою неприветливую родину?

Калевала, по выражению проф. Я. Гримма, «драгоценнейшее сокровище эпической поэзии». Это — наилучшее выражение финского (в том числе и карельского) национального духа. С этой стороны Калевала — верный путь к знакомству с взглядами древних финнов на возникновение мира, на борьбу человека с природой, на те взаимоотношения, какие складывались между различными финскими племенами. Но в то же время Калевала дает нам представление о быте, семейных отношениях, обычаях и даже обстановке и одежде очень отдаленных времен.

Родиной Калевалы, по справедливости, считают Карелию, так как ее лучшие руны (песни) записаны частью в Вокла-волоцкой вол., Кемского у., частью в Реболе и Химоле, б. Олонецкой губ.

Исполняется Калевала обычно под звуки немудреного, старинного инструмента — «кантеле», который представляет собой деревянный четырехугольный ящик, слегка суженный к одной из своих коротких сторон. Поверх такой дощечки, покрывающей этот ящик и усиливающей звуки, натянуты струны (числом до пяти и больше).

Кантеле редко встречается сейчас в Карелии, и нам с трудом удалось (в поездку 1913 г.) приобрести его для этнографического музея в с. Ухта, Кемского у. Поэтому теперь Калевала распевается без всякого аккомпанемента, медленным речитативом, причем певец слегка покачивается взад и вперед.

Герои Калевалы, дела и подвиги которых в ней воспеваются, люди не простые: они обладают вещим даром творить заклинания и совершать чудесное.

Вот поет Випунен, старый великан, знаток лучших заклинаний:

Как по божьему веленью
По всемощному приказу,
Сам собой распался воздух,
Из него вода явилась,
Из воды земля возникла,
Из земли пошли растенья.

Местом действия великанов Калевалы служат сказочные страны: Калевала и Похьола. Ученые полагают, что первая из них включает в себя Финляндию и Карелию, вторая отождествляется с Лапландией.

Главный герой Калевалы—Вяйнемейнен. Он сын девы воздуха и матери вод Ильматар и обладает чудесным свойством: своим пением и игрою на кантеле, которое он изобрел, Вяйнемейнен подчиняет себе и природу, и животных, и людей. Впечатление, которое производят на последних песни Вяйнемейнена, прекрасно изображено в руне 41-й:

Старый, верный Вяйнемейнен
День играет и другой день.
Не осталося героя,
Никого из этих храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронуло бы сердце.
Плачут юные и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки.
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.

Но чтут Вяйнемейнена не только за его песни—он мудр, он постиг «вещей происхождение», ему принадлежит честь первого посева на родной земле, и, наконец, другие герои Калевалы обязаны ему сохранением своей жизни.

Ильмаринен, брат Вяйнемейнена, «вековечный тот ковать», — чудесный кузнец, который выковал небо — крышу воздуха — «Сампо».[1]

На далеком севере есть холодная и мрачная Похьола, хозяйка которой — Лоухи — владеет Сампо. Богатыри Ка-

---

[1] Сампо соответствует скатерти-самобранке русских сказок. Это мельница-самомолка, обладание которой делает человека счастливым.

левалы похищают чудесную мельницу, но во время боя их с жителями Похьолы Сампо падает в море и разбивается.

Обломки ее приносит к берегам родины Вяйнемейнена, который ликующе восклицает по этому поводу:

Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало:
И паханье, и посевы;
И различные растенья,
И блеск месяца отсюда,
Благодетельный свет солнца
На больших полях Суоми,
В дорогой моей отчизне.

Мы видим из этого отрывка, какое важное значение придает древнейший финн земледелию; с другой стороны, в образе Ильмаринена мы еще в глубокой старине улавливаем зарождение обработки рудных богатств, чем карелы славились в сравнительно недавнее время.

Младший герой Калевалы—Лемминкяйнен, о любовных подвигах которого мы уже упоминали. Веселый, общительный, полный здоровья и сил, он легкомысленно расточает свою молодость на любовные утехи и доставляет не мало хлопот своим близким.

Второстепенные герои Калевалы: Юкагайнен, его сестра Айно, которая бросилась в море, чтобы не выходить замуж за старого Вяйнемейнена, Куллерво, Марьятта и др.

Знакомя нас в образной, поэтической форме с экономическим бытом древней Карелии, с ее обрядами, семейным началом, даже с мелочами повседневной обстановки жизни, Калевала в то же время дает яркую картину религиозных воззрений седой древности, вводит в курс всего мировоззрения карела, всех его взглядов на происхождение вселенной и человека.

Калевала—зеркало финской национальной души, в котором с исключительной живостью и силой отразилась вся судьба финских племен, населявших пространство между Белым и Балтийским морями.

И если главное место в ней занимают поездки героев в Похьолу, где они сватают дочь Лоухи, хозяйки этой мрачной страны,—девушку дивной красоты; если в борьбе за обладание прекрасной невестой и чудесным Сампо чувствуется давняя распря наседающего юга на упорно сопротивляющийся север,—то, с другой стороны, сколько в этом изумительном эпосе неподдельного чувства (плач матери Лемминкяйнена, причеты невесты и т. д.), сколько глубины в знании тончайших изгибов человеческого сердца!

Крестный отец Калевалы—Элиас Ленрот (1802—1884 гг.). Сын крестьянина, он окончил курс Абоской академии и сделался врачом в г. Каяни. Пешком, переодетый в крестьянское платье, обошел Ленрот северо-восточную часть Финляндии и прилегающие уезды теперешней Карельской республики. Обошел с единственной целью—записать руны Калевалы со слов стариков-певцов.

Это ему удалось: в 1828 г. он выпустил первый сборник финских народных песен («кантеле»), а в 1835 г. в первый раз увидела свет Калевала. Полное издание ее, состоящее из 50 рун, вышло только в 1849 г.

С тех пор Калевала стала достоянием всего культурного мира: она целиком переведена на 9 языков и частично на 14.

Великороссы.

Русские, населяющие Карелию, — потомки первых колонизаторов этого края. Они крепко смешались с финским населением севера, но не только не утратили ни языка, ни обычаев своего народа, а, наоборот, сохранили их в относительной чистоте и свежести. По мнению покойного академика Шахматова, именно умеренно окающий говор Прионежья следует считать родоначальником двух господствующих групп: окающей и акающей. Правда, в олонецком говоре есть заимствования некоторых финских корней; правда, олончане стремятся перенести ударение на самый далекий от конца слог,—но в общем чистота русского языка не пострадала.

С другой стороны, до самого последнего времени Олония была колыбелью былинной поэзии и сказки: здесь записаны

лучшие образцы наших былин и исторических песен, и здесь же собраны наиболее интересные варианты русских сказок (Рыбниковым и др.).

Наконец, в обычаях населения, в его мировоззрении столько седой древности и наивной простоты, что изучение великорусского населения Карелии — благодарнейшая задача и для историка и для энтографа, желающих постичь прошлое нашего народа или отыскать в незатейливом орнаменте олонецкого крестьянина отзвуки художественного развития всего русского народа.

В своей хозяйственной деятельности великоросс Карелии ничем не отличается от своего соседа—карела. В ней только сильней тяга к земле и меньше торговой предприимчивости, которая в довоенные годы зачастую превращала карела в офеню (разносчика).

Как общее правило, великоросс грамотней карела: по б. Олонецкой губ. грамотные карелы мужчины составляли 22%, женщины—4,8%, в то время как у великороссов грамотность среди мужчин равнялась 38,1%, а среди женщин — 11,3%.

ГЛАВА III.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КАРЕЛИИ.

Земледелие.

Весь наш север, в том числе и Карельская ССР, плохо изучены в экономическом и хозяйственном отношениях, причем цифры, которые относятся к Карелии, очень неполны и разношерстны.

Рассматривая отдельные стороны хозяйственной деятельности населения и, в частности, сельское хозяйство, необходимо прежде всего ознакомиться с распределением земельной площади (за вычетом озерных пространств) по отдельным угодьям.

К 1913 г. эта земельная площадь в Карелии распределялась следующим образом:

Уезды	В десятинах				
	Леса	Остальных угодий (пашни, сенок., усад.)	Итого удобной земли	Итого неудобной земли	Всего земли
Кемский . . .	2 730 530	37 000	2 767 530	1 783 348	4 550 878
Олонецкий . .	567 139	53 439	620 758	232 534	853 292
Петрозаводский	908 519	106 127	1 014 646	423 241	1 437 887
Повенецкий . .	2 241 268	30 120	2 271 388	1 449 481	3 720 869
Пудожский . .	1 202 141	67 736	1 269 877	583 348	1 853 225
Итого по Республике .	7 649 777	294 422	7 944 199	4 471 952	12 416 151

Уезды	Соотношение в процентах				
	К площади удобной земли		Ко всей площади		
	Леса	Остальных угодий	Леса	Остальных угодий	Неудобной земли
Кемский	98,7	1,3	60	0,9	39,1
Олонецкий	91,4	8,6	66,5	6,4	27,1
Петрозаводский .	89,6	10,4	63,2	7,4	29,4
Повенецкий . . .	98,7	1,3	60,2	0,8	39,0
Пудожский. . . .	94,7	5,3	64,9	3,7	31,4

Из последней таблицы видно, что наибольший процент леса в уездах Кемском и Повенецком, наименьший — в Петрозаводском у. Неудобных земель всего больше опять-таки на севере Карелии и меньше к югу.

Говоря об отдельных угодиях, следует несколько остановиться на пашне Карелии. Здесь, в отличие от других областей нашей страны, имеется два вида пашни: постоянная и подсечно-переложная. Последняя подготовляется из-под леса на небольшое число лет с тем, чтобы потом стоять заброшенной многие годы. Подсеки требуют большого труда, но карел не останавливается перед этим. Он знает, что земля его родины требует сильного удобрения, которое он и дает ей в виде леса, обработанного огнем. Лес же ценится карелом очень дешево.

Для всей Карелии, если взять ее в границах б. Олонецкой губ., подсека составляет более $^1/_5$ всей площади пашни. Особенного развития достигает подсечное хозяйство в Олонецком у., где подсека занимала $^2/_5$ частей общей площади пашни; меньше всего злоупотребляли лесом жители Петрозаводского у.

Подсеки, как и следует ожидать, главное распространение получили на крестьянской надельной земле.

Обратимся теперь к посевной площади. Если взять ее целиком, без разбивки на пашню постоянную и временную (подсеки и перелоги), то мы будем иметь следующую картину:

Уезды	Посевная площадь в десятинах	
	1914 г.	1916 г.[1]
Кемский	7 816	3 124
Олонецкий	15 142	12 406
Петрозаводский	24 105	16 392
Повенецкий	6 441	5 728
Пудожский	17 187	11 749
По Карельской ССР	70 691	49 399

Из этой таблицы видно, что наибольшие разрушения принесла в свое время мировая война уездам — Кемскому, Петрозаводскому и Пудожскому. К сожалению, результаты сельскохозяйственной переписи 1920 г. недостаточны для установления дальнейших изменений в посевной площади по Карельской республике. Что касается позднейших дат, то в 1923 г. посевная площадь составляла 96,4% посевной площади 1916 г., а в 1925 г. прирост ее по сравнению с 1923 г. выразился в 6%. В РСФСР за то же время прирост 15%.

Система полеводства в Карелии — трехпольная, причем в большинстве уездов земли под яровыми хлебами больше, чем под озимыми и паром; только в Повенецком у.

---

[1] Сведения взяты за 1916 г. из «Результатов предварительного подсчета материалов Всерос. с.-х. переписи 1916 г.». Петрозаводск, 1916 г. Изд. Олон. губ. зем. Пудожский у., как и везде дальше, целиком отнесен к КССР.

большая площадь находится под паром и меньшая под озимыми хлебами. Объясняется это преобладание ярового клина тем, что в Карелии крестьяне часто в озимом поле сеют ячмень.

Так как в яровом поле возделывается несколько культур, то интересно установить, как распределяется площадь посевов всех сельскохозяйственных растений, как озимых, так и яровых.

Уезды	На 100 десятин посевной площади приходится под						
	рожью	овсом	ячменем	картофелем	коноплей	льном	горохом
Олонецкий	44,6	42,7	5,9	3,4	1,2	1,4	0,8
Петрозаводский	43,9	41,5	7,0	3,4	2,4	1,3	0,5
Повенецкий	46,3	28,2	17,7	4,0	2,2	1,0	0,6
Пудожский	43,1	37,6	14,8	2,0	0,3	1,6	0,6

Мы видим, что только два последних уезда (Повенецкий и Пудожский) расширяют посевы ячменя за счет овса. Что касается у. Кемского, то в нем ячмень является преобладающим.

В абсолютных цифрах, согласно данным с.-х. переписи 1920 г., в границах уездов на 1 марта 1922 г. отдельные культуры распределяются следующим образом (см. табл. на стр. 63).[1]

Следовательно, в общем главными культурами является по всей Карельской республике рожь и овес, на долю которых падает $^6/_7$ посева, затем идут ячмень, картофель, лен и т. д. Только в Кемском у. рожь уступает первенство ячменю.

[1] Необходимо иметь в виду, что переписью 1920 г. не описано в Кемском у. 2 388, в Олонецком — 28, и в Петрозаводском уезде — 1 061 хозяйство. Пудожский у. целиком отнесен к Карельской ССР.

Соотношение озимого и ярового клина в процентном отношении к 1916 г. таково:

Годы	Озимый клин в $^0/_0{}^0/_0$ к 1916 г.	Яровой клин в $^0/_0{}^0/_0$ к 1916 г.
1916	100,0	100,0
1920	86,0	64,1
1921	88,8	86,1
1922	87,8	82,9
1923	85,2	102,4

Происходит, как видно, разрастание ярового клина, в то время как озимый еще не достиг своей дореволюционной величины.

Обработка полей носит однообразный характер и отличается той примитивностью, которая была известна еще первым создателям Калевалы. Орудиями обработки почвы и уборки хлебов до сих пор служат: местная соха, деревянная и сучковая бороны, серп, горбушка (короткая коса), цеп, вилы и лопата. Усовершенствованные орудия неизвестны карельской деревне.

Своеобразна обработка земли на подсеках. Здесь прежде всего надо справиться с самой трудной работой —подготовкой подсеки. С осени каждый домохозяин приискивает подходящее место для подсеки, приэтом он заранее определяет, каким хлебом будет засеяна подсека, так как под различные хлеба лес в большинстве случаев рубится в известное время и при известном составе лесонасаждения.

Осенью лес срубается и оставляется лежать для просушки до следующего года (причем особенно крупных деревьев не срубают и оставляют на корню), а затем или свозится в хозяйство, или бросается в лесу. В тех местах, где лес мелкий, там при сжигании привозится лесной материал со стороны, в виде дров или сухоподстойного и мерт-

Уезды	Посеяно в поле десятин														
	Ржи		Пшеницы		ячменя	овса	греч. и пр.	чечев., гороха, бобов	картофеля	кормовой свеклы и пр. корнепл.	льна	конопли	однол. трав	многол. трав	итого полевого посева
	озимой	яровой	озимой	яровой											
Кемский	226	1	—	12	671	36	—	6	82	3	4	1	—	—	1 042
Олонецкий	3 544	46	1	12	245	2 410	—	—	80	124	88	38	—	1	6 586
Петрозаводский	3 544	99	—	50	551	2 680	9	—	289	149	100	52	5	2	7 530
Повенецкий	3 899	—	1	62	426	1 700	43	1	108	4	79	3	—	—	6 326
Пудожский	3 429	—	1	94	888	2 634	2	9	144	33	158	22	—	8	7 422
ВСЕГО по КССР	14 639	146	3	230	2 781	9 460	54	16	703	313	429	116	5	11	28 906

вого валежника. Сжигание леса производится в различное время, в зависимости от того, для какого хлеба предназначается подсека. Для яровых хлебов лес сжигается в мае и июне, а для ржи иногда и в июле. При срубании лес обычно валится в одну сторону вершиной и распределяется более или менее равномерно на всем пространстве, причем более крупные деревья обрубаются от сучьев, чтобы бревно плотнее прилегало к земле и лучше сгорало.

Так как лес рубится в то время, когда он одет листом, то при сжигании получается масса горючего материала, в виде сухолиста, травы и мелкого леса.

При хорошей, сухой погоде лес зажигают с подветренной стороны, и когда часть срубленного пространства обгорает, тогда огонь пускают по ветру, следя за тем, чтобы огонь проходил равномерно по всему участку и не перешел в соседний растущий лес. На тех подсеках, где подвозится материал со стороны, часто практикуют прокатывание горящих жердей, чтобы сгорание происходило более равномерно. Через несколько дней, когда остынет земля, на что требуется не более недели, убирают остатки несгоревшего леса. Если площадь выгорела неравномерно, то все остатки леса складываются в костры на те места, которые менее обгорели, и сжигаются; это называется «вторым палом». При сжигании мелкого леса иногда площадь так хорошо выгорает с одного раза, что не требуется второго пала.

В год рубки леса подсечный участок носит местное название «суки», а в год сжигания леса — «пал». После уборки подсеки производится пахота, причем очень мелкая, так как пахоте сильно препятствуют пни и корни, которых не корчуют, и неубранные камни. Вслед за пахотой подсеку боронуют особой бороной — волокушей. Борона стаскивает сошные гребенки на те места, которые из-за пней и камней остались невспаханными, и, таким образом, подсека оказывается покрытой тонким слоем рыхлой земли. Посев семян различных хлебов заделывается сохой или бороной,

или вместе сохой и бороной. В этом и заключается подготовка и обработка почвы на подсеках.[1]

Плохая почва и скверные климатические условия ставят карельское земледелие под постоянную угрозу неурожаев и недородов. С почвенными условиями карел выдерживает длительную и упорную борьбу, которая иногда кончается его победой. Трудней бороться с метеорологическими особенностями края, особенно в Кемском у., где ранние осенние заморозки сильно мешают вызреванию хлебов, а поздняя весна, с ее холодами и туманами, сокращает самый период вызревания и зачастую губит растение на корню.

Карел стремится задобрить неблагодарную почву своей родины. С этой целью он ведет сильное и регулярное удобрение полей не только под озимые хлеба, но на худших почвах и под яровые. В общем, по сообщениям прежних корреспондентов земского статистического бюро, около 15% всех домохозяев Карелии удобряли поля под ячмень и картофель и около 2% под овес. К сожалению, карел не дошел еще до искусственных удобрений: единственным удобрением является пока навоз.

Несмотря на большие усилия, которые затрачивает сельское население Карелии при обработке почвы и при уходе за нею, результаты земледельческого труда здесь ничтожны. Наибольший успех достигается на участках, расположенных на южных склонах и достаточно удаленных от леса. С другой стороны, урожай всегда больше на подсеках, чем на постоянной пашне.

За 1923—1925 гг. урожай Карелии по отдельным культурам выражается в следующих цифрах:

	Пудов с десятины		
	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Рожь	47,4	60,3	68,0
Овес	46,5	63,0	67,0
Ячмень	36,6	44,9	53,0
Картофель	534,7	467,6	644,0
Лен и конопля	9,9	13,9	23,0

[1] «Олон. губ. стат. справ.», стр. 201—202.

Таким образом, не только растет посевная площадь Республики, но значительно повышается и урожайность всех главных культур.

Неблагоприятные климатические условия, плохая почва и необходимость затрачивать большие усилия на поддержание урожайности земли, — все это, вместе взятое, ставит перед карельским сельским хозяйством новые задачи, от быстрого и разумного разрешения которых зависит дальнейшее благополучие этой маленькой Республики.

Земледелие, как это отмечают все исследователи края, не столько основа существования карельской трудовой семьи, сколько «основа быта»: карел издавна живет не от земли, но он не может порвать с ней и не имеет сил, чтоб перейти на новые рельсы. Из таблицы, помещенной ниже, видно, какое место в бюджете крестьянина Карелии занимают продукты полеводства в переводе их на рожь и какой недостаток обнаруживается в хлебе, несмотря на тягчайший труд, вкладываемый здесь в землю.

Уезды	На 1 едока в течение года пудов продуктов, в переводе по питательности на рожь		Недостаток	
	поступает с урожая	в действительности расходуется	в пудах	в %%
Олонецкий	14,60	21,93	7,33	33,5
Петрозаводский	14,37	21,93	7,56	34,4
Повенецкий	10,63	21,93	11,30	51,5
Пудожский	17,66	21,93	4,27	19,5

Следовательно, крестьяне Повенецкого у. прикупают более половины потребляемого ими зерна; в Олонецком и Петрозаводском уездах — около $1/3$ и только в Пудожском на $4/5$ был свой хлеб. Что касается Кемского у., то здесь собственного хлеба хватает только на 3 — 5 месяцев, и редкое хозяйство обходится без того, чтобы не подмешивать к хлебу

соломы и коры. Оправдывается вещее слово Калевалы, как нельзя лучше характеризующее скудость карельского земледелия:

А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой.

Чтобы обеспечить карела-крестьянина, сельское хозяйство Карелии должно коренным образом перестроиться. Пример соседней Финляндии убеждает в том, что перестройка эта должна итти в сторону развития молочного хозяйства и маслоделия.

Здесь мы вплотную подходим к сенокосным угодьям и к скотоводству Карелии.

Сенокосные угодья, наравне с пахотной землей, составляют незначительный процент по отношению к общей площади удобной земли (от 5 до 13% по отдельным уездам).

Главными по площади являются сенокосы суходольные и лесные. Малая площадь заливных сенокосов объясняется незначительным весенним разливом рек Карелии. Болотные сенокосы дают в большинстве осоку, совершенно непригодную для корма скота, — используемая площадь их также сравнительно ничтожна.

Урожай сенокосов, по данным текущей статистики за 1910—1912 гг., в среднем колеблется от 55 до 80 пуд. на десятину.

Наивысший урожай всех видов сенокоса в уездах Олонецком и Пудожском, низший — в Повенецком и Петрозаводском.

Указанные выше данные дают довольно ясное представление о луговом хозяйстве Карелии. Однако, прежде чем перейти к скотоводству, необходимо еще остановиться на огородничестве и садоводстве и этим закончить обзор сельскохозяйственных запасов карельского крестьянского хозяйства.

Усадебные земли, на которых ведутся огородничество и садоводство, составляли до войны по четырем уездам Карельской ССР сравнительно небольшую площадь в 3 840 десятин.

Если сравнить последнюю цифру с предвоенной посевной площадью по тем же четырем уездам (62 875 десятин), то увидим, что усадебная земля составляет всего около 6% общей площади посева.

Выборочным путем установлено, что огородничество шире распространено в южных частях Карелии и слабей на севере. Так, в Олонецком у. на каждые 100 хозяйств 47 имели огороды. В Повенецком у. их имеют только 29 хозяйств.

«Во всех уездах на огородах возделываются, главным образом, лук, редька, брюква и капуста, затем свекла и морковь и меньше остальные овощи. Если не считать картофель и репу, которые возделываются, кроме того, в поле, то из остальных возделываемых овощей остаются огурцы, редис и цикорий».[1] Последние два вида овощей встречаются только в уездах Петрозаводском и Олонецком и то в ничтожном размере. Для Кемского у. характерны картофель и репа, из овощей в южной и центральной части Карельской ССР лучше всего родятся и, поэтому, больше всего возделываются лук, брюква, редька и капуста.

Садоводство развито еще слабей, чем огородничество. Кемский у. садов не имеет совершенно, в Повенецком, Пудожском и Петрозаводском на 100 хозяйств отмечено 3 — 4 сада, и только в Олонецком у. из 100 хозяйств у 21 есть сады. Северные уезды (Повенецкий и Пудожский) имеют сады, состоящие исключительно из кустарниковых и ягодных растений. В Петрозаводском у. появляются фруктовые деревья, а в Олонецком они составляют больше третьей части (37%) садовых насаждений.

Из **фруктовых** деревьев чаще всего встречаются в садах яблони, из кустарниковых растений — смородина и из

---

[1] «Олонецкая губ.», стр. 225.

ягодных — малина. Яблоки не дозревают на $^3/_4$ в Петрозаводском у. и на $35^0/_0$ в Олонецком.

Животноводство.

Животноводству Карелии, судя по примеру соседней Финляндии, находящейся в одинаковых естественных условиях, предстоит большая будущность. Из отрасли народного хозяйства, подчиненной исключительно интересам земледелия, оно, несомненно, превратится в главнейшее орудие хозяйственных успехов местного населения. Пока животноводство служит земледелию и тесно с ним связано: скот держится в крестьянском хозяйстве или как рабочая сила, или как поставщик навоза.

Уже указывалось, что почва Карелии требует обильного удобрения. Каждый хлебопашец стремится поэтому иметь такое количество скота, чтобы не нуждаться в навозе, так как искусственное удобрение еще не получило здесь распространения. Содержать скот ради молока, приплода и мяса не принято, и только единичные хозяйства видят в этом выгоду; $^9/_{10}$ всех ответов земских корреспондентов (519 из 586) говорят о том, что перед войной скот содержался, главным образом, для навоза.

Р о г а т ы й с к о т в Карелии преимущественно мелкий, убойный вес его около шести пудов. Преобладает местная порода; встречаются однако представители ярославской, холмогорской и восточно-финской пород, но большей частью не чистокровки, а метисы.

Господствующей мастью крупного рогатого скота является красная и черная. Производители — местные, и только в свое время земство пыталось насадить производителей восточно-финской породы, причем ощущался резкий недостаток в производителях.

Молочность коров по отдельным уездам, на основании показаний земских корреспондентов, колебалась в 1910 — 1912 гг. от 6,37 до 7,5 бутылки дневного удоя.

Содержание жира в молоке 4,5 — 6,5%. Распределяется крупный рогатый скот по территории Карелии в границах на 1 марта 1922 г. следующим образом:

УЕЗДЫ	Голов крупного рогатого скота по переписи 1910 г.							
	волов	быков	коров	петелей ст. $1^1/_2$ г.	бычков $1^1/_2$ — 2 л.	подтел. и бычков 1 — $1^1/_2$ г.	телят до 1 г.	итого голов
Кемский	—	25	4 838	637	80	281	1 062	6 923
Олонецкий	—	73	10 236	889	177	713	4 953	17 041
Петрозаводский..	1	62	15 996	1 034	232	788	4 906	23 019
Повенецкий	1	24	11 355	575	132	838	5 752	18 677
Пудожский	—	32	11 255	557	128	789	4 366	17 127

Как и все данные, взятые из переписи 1920 г., приведенные цифры недостаточны и лишают нас возможности подвести итоги для всей Карельской республики. Поэтому интересней для соответствующих сравнений взять цифры не абсолютные, а относительные.

На одно хозяйство падает в Карелии голов крупного рогатого скота:

УЕЗДЫ	Голов крупного рогатого скота на 1 хоз. по с.-х. переп. 1920 г.	Голов крупного рогатого скота на 1 хоз. по с.-х. переп. 1916 г.
Кемский	1,4	—
Олонецкий	2,7	3,27
Петрозаводский	2,3	3,52
Повенецкий	2,7	3,03
Пудожский	2,2	3,18

Наибольшей обеспеченностью крупным рогатым скотом обладают хозяйства уездов Олонецкого и Повенецкого, наименьшей — Кемского. Перед годами гражданской войны и разрухи Повенецкий у., наоборот, уступал свое первенство всем другим уездам. По позднейшим сведениям, относящимся к 1922 г.,[1] стадо Карельской республики восстанавливается, и, напр., в 1922 г. число дойных коров сравнялось с таковым же числом в 1916 г.

Более благоприятные для развития скотоводства, чем для полеводства, климатические и почвенные условия способствуют более быстрому росту карельского стада. Если принять за 100 стадо в 1923 г., то к 1925 г. повышение по крупному рогатому скоту 10% и по рабочему скоту — 25%, причем характерно, что количество бескоровных хозяйств остается, примерно, прежним, а количество безлошадных убывает чрезвычайно медленно (с 33,5% в 1923 г. до 31,3% в 1925 г.).[2]

Еще интересней сопоставление данных 1913 г. с данными 1920 г. по отношению к населению.

Уезды	На 100 душ сельского населения обоего пола приходилось голов крупного рогатого скота	
	в 1913 г.	в 1920 г.
Кемский	—	20,5
Олонецкий	74,5	54,1
Петрозаводский	53,7	44,9
Повенецкий	43,4	49,1
Пудожский	59,9	44,4

[1] См. ст. проф. Паращука в «Сельскохозяйственном календаре» на 1924 г., изд. Областсельскл. С.-З. области.

[2] См. Гарелина «Госуд. бюджет на 1925/26 г.».

Если не считать Кемского у., из приведенной выше таблицы с очевидностью вытекает известный уклон к уравнению между уездами в смысле обеспеченности крупным рогатым скотом.

Лошади Карелии — по преимуществу местной породы, лишь изредка встречается помесь финской породы с местными аборигенами.

Уезды	На 100 душ сельского населения обоего пола приходилось лошадей	
	в 1913 г.	в 1920 г.
Кемский	—	9,8
Олонецкий	19,6	14,3
Петрозаводский	17,4	12,5
Повенецкий	14,9	15,7
Пудожский	20,6	19,2

Больше всего обеднел лошадьми Олонецкий у., меньше Петрозаводский и Пудожский. В Повенецком у. даже значительное повышение лошадности хозяйств.

Мелкий скот преобладающим своим представителем имеет в Карелии овцу. Свиньи и козы составляют сравнительно незначительную долю скота. Количество составляет:

Уезды	Овец			Коз			Свиней			
	взрослых	ягнят	итого голов	коз и козлов	козлят	итого голов	свиней и бор. от 1 г.	подсв. от 4 м. до 1 г.	поросят до 4 м.	итого голов
Кемский	8 427	1 294	9 721	3	—	3	—	—	—	—
Олонецкий	7 839	1 478	9 317	1	—	1	52	138	31	221
Петрозаводский	11 320	2 295	13 615	6	2	8	10	11	7	28
Повенецкий	6 651	2 236	8 887	10	—	11	—	—	—	—
Пудожский	8 280	4 391	12 671	3	—	3	—	—	1	1

Из этой таблицы распределения мелкого скота по территории Карельской республики видно, что уезды Кемский и Повенецкий совершенно не занимаются свиноводством. Что же касается разведения коз — меры, получившей широкое распространение в годы голода и разрухи по всей России' то здесь приходится отметить, наоборот, слабое развитие козоводства. Таким образом, карел-крестьянин содержит только овцу, причем, в большинстве, местной простой породы.

Главная цель содержания овец в крестьянском хозяйстве — получение шерсти и овчины, получение же мяса стоит на втором плане: из 600 ответов земских корреспондентов на вопрос о том, для чего содержатся овцы, в 40% отмечается шерсть как цель овцеводства, в 36% — получение овчины и только в 24% — получение мяса.

Подводя итоги положению скотоводства в Карелии, мы должны признать, что эта молодая республика еще не успела как следует использовать все возможности, открывающиеся в области, главным образом, молочного хозяйства. Предстоит большая и длительная работа по улучшению карельского стада, по изменению самого характера сельскохозяйственной деятельности населения, наконец, по подготовке необходимых работников по распространению соответствующих знаний.

В данный же момент мы должны отметить заметное понижение удельного веса рабочего скота в стаде Карелии, что явствует из следующих сравнительных данных:

Годы	На 100 голов скота приходилось						
	рабочих лошадей			коров	овец	коз	свиней
	4 лет и старше	до 4 л.	итого				
1916	12,4	1,0	13,4	25,8	34,2	0,01	0,2
1920	13,0	1,1	14,1	34,2	30,1	0,01	0,2
1921	12,6	1,0	13,6	30,5	29,8	0,01	0,3
1922	10,8	1,0	11,8	28,0	29,7	—	0,2
1923	8,8	1,5	10,3	25,3	30,9	0,03	0,2

С другой стороны, замечается постепенное восстановление и даже повышение дореволюционной обеспеченности молодняком наиважнейшей части крестьянского стада — молочного и рабочего скота, что служит хорошим предвестником для будущего карельского животноводства.

Годы	На 100 коров приходилось			На 100 рабочих лошадей приходилось	
	телят до 1 года	нетелей старше $1^1/_2$ г.	остального молодняка	от 1 г. до рабочего возраста	жеребят до 1 года
1916	63,3	8,4	17,1	12,0	8,3
1920	41,3	6,3	7,9	8,2	7,1
1921	55,3	7,2	15,6	3,5	6,5
1922	67,0	8,0	24,9	6,7	10,3
1923	72,7	7,3	40,1	12,2	10,9

Несколько особняком стоит в Карелии вопрос об оленеводстве. По словам известного исследователя этого вопроса, С. В. Керцелли,[1] «южная граница оленеводной области доходит в восточной части до станции Шуерецкой (Мурманской железной дороги) и идет неширокой полосой к северу вдоль Белого моря почти до Кеми, откуда круто поворачивает к западу до финской границы и захватывает всю Карелию» (повидимому, Кемскую. *А. П.*). Однако оленеводство никогда не играло крупной роли в жизни карела.

«Карелы всегда держали оленей понемногу, до нескольких десятков на семью, и олени служили у них, главным образом, как рабочее животное, но понятно, что в зависимости от количества оленей, семья пользовалась и мясом и шкурами для зимней одежды. Олени паслись иногда свободно в лесу, чаще же всего для пастьбы оленей устраива-

[1] Ст. «Оленеводство Мурманского края» в сб. «Производ. силы района Мурманской железной дороги», 1923 г., стр. 87.

лись ограды в несколько верст длиною, в которых и паслись олени. В виду небольшого количества оленей у отдельных хозяев и незначительных размеров самих карельских деревень обычно все олени селенья паслись вместе, и ограда устраивалась сообща всеми владельцами оленей. Летом иногда олени отгонялись и на горные тундры. По данным Архангельского статистического комитета в 1907 г. в Карелии было всего 9 319 оленей. Некоторые исследователи отмечают, что в последние годы перед войной, в связи с развитием земледелия и, главным образом, лесных заготовок, карелы усиленно заботились о заведении в своих хозяйствах лошадей, обращая меньшее внимание на оленеводство.

Русское оленеводство, еще более мелкое, чем карельское, распространено в поморских селениях, начиная от Шуи, которая и является наиболее южным пунктом оленеводства. В русских селениях отдельные хозяева имеют по несколько голов оленей, и только немногие держали больше 10 голов. Летом олени содержатся в лесах, редко на свободе, а обычно на огороженных площадях, т. е. так же, как у некоторых карелов и лопарей. Зимой олени содержатся около селения, у некоторых — около домов в загородке, изредка даже в сарайчиках. Олень употребляется у русских как рабочее животное для доставки из лесу дров, сена с пожень, для поездок на охоту, заменяя, таким образом, лошадь. Убивались только старые животные, малопригодные для работ. Как карельское, так и русское оленеводство принадлежит к типу оседлого оленеводства. [1]

Переписью 1920 г. по Кемскому у. зарегистрировано 1 902 оленя. Эта цифра, несомненно, не соответствует действительности, так как самая интересная в отношении оленеводства часть Кемской Карелии была театром гражданской войны.

---

[1] Ст. «Оленеводство Мурманского края» в сб. «Производ. силы района Мурманской железной дороги», стр. 92 — 93.

Лесное хозяйство.

Как уже отмечалось выше (стр. 25), Карелия — исключительно лесная страна. Характер ее древесных насаждений также подробно описан в главе о растительности края.[1] Поэтому здесь уместно остановиться на лесном хозяйстве Карелии только в тех пределах, в каких лес является одним из средств к существованию местного населения.

Запасы древесины, несмотря на грандиозные лесные пожары, громадны. Установлено путем различных выкладок и наблюдений, что ежегодный прирост древесины равняется 1 млн таксационных саж. По отдельным уездам прирост этот выражается в следующих цифрах.[2]

Уезды	Количество годового прироста на всю лесную площадь в таксационных саж.
Кемский (район Кемский и Сороцкий)	462 492
Олонецкий	100 295
Петрозаводский	158 510
Повенецкий	288 950
Пудожский	114 440
Итого	1 124 687

Если скинуть излишек в 124 687 таксационных саж., являющийся почти равным разнице между теоретическим и практическим вычислениями прироста древесины, то можно признать, что Карелия ежегодно в состоянии дать 1 млн таксационных саж. древесины без истощения своих древесных насаждений, т. е. 220 млн куб. футов древесины.

Обилие рек, соединяющих самые отдаленные, самые глухие лесные массивы с портами Балтийского и Белого морей, ставит лесную промышленность на первое место

[1] Ст. «Оленеводство Мурманского края» в сб. «Производ. силы района Мурманской железной дороги», стр. 23—29.

[2] Лесная площадь, заключающаяся в земельных крестьянских наделах, в силу ее истощенности, в расчет не принимается.

в ряду подсобных занятий населения и делает ее одним из главнейших источников экономической мощи этого края.

Рубка, вывозка и сплав леса были до революции и сейчас являются самыми жизненными занятиями как карел, так и русских, населяющих Карелию.

«Работы по заготовке и вывозке лесных материалов обычно начинаются в то время, когда замерзнут болота и озера и выпадет достаточное количество снега. Условия эти наступают между 15 ноября и 1 декабря, чаще же всего в 20-х числах ноября, и кончаются не позднее 20 марта (ст. стиля). В общем, время вывозки и заготовки лесных материалов длится около 120 дней, из коих, если вычесть праздничные дни, остается не более 95 дней» («Олонецкая губ.», стр. 157).

Сплав леса идет, главным образом, через реки бассейна Онежского озера и через реки, впадающие непосредственно в Белое море. «При непостоянстве рек, в смысле часто встречающихся порогов, при сравнительно небольшой протяженности и извилистости их, а местами и засоренности, сплав леса в плотах производится очень редко; всюду лес гонится или россыпью, или в кошелях, не исключая даже и таких значительных озер, как Сегозеро и Ругозеро в Повенецком у. и Водлозеро в Пудожском у. Иногда на одной и той же реке лес по несколько раз то собирается в кошели в местах широких плесов или перехода реки в озеро, то вновь пускается россыпью.

В общем, лес, попадающий на Белое море, весь свой путь проходит частью россыпью, частью в кошелях и, наоборот, весь лес, идущий на петрозаводский (ленинградский) рынок, попадает туда, в конце концов, в плотах» («Олонецкая губ.», стр. 155).

«Лес, идущий на петрозаводский рынок из «Заонежской части Карелии» выгоняется по второстепенным речкам россыпью до Онежского озера, здесь сбивается в плоты морской сплотки и в таком виде идет до истока реки Свири, где производится переплотка применительно к условиям

сплава по каналам или судоходной реке Свири» («Олонецкая губ.», стр. 155).

В этом резкое отличие онежского сплава от беломорского, где преобладает россыпь, загоняемая в кошели перед самым выходом в море.

Лес является предметом внешней торговли Карелии с другими частями СССР и с заграницей, так как внутренний спрос на него, при высокой обеспеченности населения лесоматериалами, совершенно отсутствует. Единственно поэтому лесные заготовки рассчитаны по преимуществу на пиловочный лес, который и направляется к беломорским и балтийским портам.

Средняя выручка от продажи казенного леса составляла в б. Олонецкой губ. за время с 1907 по 1912 г. 2 674 084 руб., на одну десятину удобной площади приходилось 64 коп.

Если к этому прибавить выручку от продажи крестьянского леса, которая за последнее перед войной десятилетие быстро возрастала, а также лесные поставки б. частновладельческих дач, можно считать, что Олонецкая губ. в среднем ежегодно выручала на лесе около 3 500 000 руб.

По отдельным уездам и по различным сортиментам ежегодная выручка казенного леса в процентах распределялась так:

УЕЗДЫ	%% к общей вырученной сумме от продажи				
	пиловочного леса	дров	поделочной осины	сплошных лесосек	Итого
Олонецкий	5,7	10,8	—	24,6	10,9
Петрозаводский	10,6	18,8	35,5	17,6	13,0
Повенецкий	27,7	4,0	—	—	19,4
Пудожский	25,5	20,8	—	—	18,1
Остальные уезды б. Олонецкой губ.	30,5	46,5	64,5	57,8	38,6

Из этой таблицы видно, что территория, занятая сейчас Карельской республикой, давала около 70% выручки от наиболее дорогого сортимента — пиловочного леса, свыше 50% — от дров, третью часть — от продажи поделочной осины и 43% — от сплошной рубки.

Чтобы ясней была самая цифра отпуска по различным сортиментам и доля в этой выручке территории, отошедшей к Карелии, приводим данные, относящиеся к 1912 г.

Виды сортиментов	Количество	Вырученная сумма в руб.	%% к общей сумме
Сосновых и еловых пиловочных деревьев	823 784 шт.	1 800 039	66,09
Дров	42 838 куб. с.	192 850	7,08
Разных бревен из мертвого леса	10 890 шт.	2 070	0,08
Поделочной осины	625 куб. с.	3 432	0,13
Сплошных лесосек	4 476,2 куб. с.	725 219	26,62

Таким образом, теперешняя территория Карельской республики, если взять всю совокупность сортиментов, давала около $^2/_3$ общей выручки казенных лесов б. Олонецкой губ.

Значительные размеры лесного хозяйства, естественно, делают его одним из главных фундаментов хозяйственной деятельности местного населения. Земледелие, как уже отмечалось, не удовлетворяет потребительские нужды края. Возникает потребность в побочном заработке, и лес кормит тех, к кому земля неблагосклонна.

«Огромные площади ежегодно эксплоатируемого леса,— говорится в «Статистическом справочнике Олонецкой губ.»,— привлекают на заработки массы крестьянской рабочей силы, а местами, может быть, и все мужское население рабочего возраста, оставляя заниматься хозяйством и хлебопашеством исключительно женщин. Громадные заготовки разнородных лесных материалов вызывают большую нужду в рабочей

силе — по рубке, выгонке, сплаву леса, по разделке его на различные, установленные рынками сортименты; нужда в рабочей силе крепнет, становится постоянной, оплата заработка с каждым годом повышается и все больше и больше завоевывает внимание местного крестьянства, отвлекая его от земледелия» (стр. 48 — 49). С еще большим правом приведенную выписку можно отнести к Кемскому у. б. Архангельской губ., где климатические и почвенные условия тяжелей, чем в южной части Карелии, и где лесные заработки становятся основой крестьянского бюджета.

В общем, по данным «Олонецкого губернского статистического комитета за 1907 — 1909 гг.» (последним, когда разрабатывались сведения о промыслах) было занято:

Промыслы и заработки	Число рабочих		
	в 1907 г.	в 1908 г.	в 1909 г.
Лесные заготовки	27 170	24 710	22 145
Сплав леса	9 911	10 413	10 604
Итого	38 081	35 123	32 749

В Кемском у., на основании официальных обзоров губернии, около леса и его дальнейшей переработки кормилось:

Промыслы и заработки	Число рабочих		
	в 1905 г.	в 1906 г.	в 1907 г.
Рубка и сплав леса	1 756	1 566	1 856
Рубка дров	204	189	226
Работы на лесопильных заводах	1 746	1 256	278
Итого	3 706	3 020	2 360

Средний заработок одного промышленника на лесных промыслах распределяется следующим образом:

	По лесной заготовке и сплаву леса
Олонецкая губ.[1]	33 — 21 р.
Кемский у.[2]	40 р.

Первая цифра для Олонецкой губ. — лесная заготовка (33 р.), вторая (21 р.) — сплав леса. Для Кемского у. губернаторские обзоры дают общую цифру для заготовки и сплава.

Рыболовство.

Карелия, как и ее соседка Финляндия, по праву может быть названа «страной озер». Помимо того, что она изобилует озерами и реками, начиная с самых маленьких и кончая крупнейшим в Европе озером — Онежским, Карелия своим северо-восточным краем подходит к Белому морю.

Внутренними водами занята довольно значительная площадь Республики:

Название территории	Площадь, занятая внутренними водами	Процент всей территории
Б. Олонецкая губ.	25 100 *км*²	16,6
Кемский у. (б. Архангельск. г.) .	5 565 113 »	13,7

Так как больше всего озер (а, стало быть, и соединяющих их рек и речек) приходилось в б. Олонецкой губ. на уезды: Повенецкий, Петрозаводский, Пудожский и Олонецкий, то надо считать, что для теперешней Карелии процент территории, занятой водой, еще внушительней.

По данным земской статистики б. Олонецкой губ., на одно хозяйство до войны потреблялось 11,4 пуд. рыбы (в переводе на свежую). При 65 400 крестьянских хозяйств

[1] В 1909 г.
[2] В 1907 г.

это давало для всей губернии около $^{3}/_{4}$ млн пуд. Кроме того, рыбаки-промышленники вылавливали 220 000 пуд. Таким образом, общий улов надо исчислять в миллион пудов, из которых не меньше 75% приходится на территорию теперешней Карельской республики. В Кемском у., по губернаторским «обзорам», количество рыбаков составляло перед войной около 3 000 человек. Для них этот промысел имел лишь подсобное значение, поэтому можно принять цифру улова в 20 пуд. на рыбака, что даст на весь район около 60 000 пуд. [1] В общем, по всей Карелии улов выразится в круглых цифрах в 750 — 800 тыс. пуд. рыбы, вылавливаемой во внутренних водах Республики.

К этому необходимо прибавить еще промысел на Белом море, где карельское население приморских волостей также принимает деятельное участие в ловле сельдей и наваги. По последним данным, в Кемском у. было добыто:

	в 1913 г.	в 1914 г.	в 1915 г.
Сельдей	173 726 пуд.	63 710 пуд.	88 790 пуд.
Наваги	—	17 055 »	18 163 »

Главным районом лова сельди является западная часть Белого моря — губы Каналакшская, где ловится более крупная сельдь, и Онежская, где преобладает мелкая разность (с. Сорока).

«Местные промышленники различают четыре периода хода сельди, начиная с мая, именно егорьевский, заледный — после вскрытия, ивановский и успенский. Сорокская сельдь идет с ноября до января. Последняя отличается особенно мелкими размерами (всего 2 — $2^{1}/_{2}$ пуд. в тысяче), ивановская крупнее (80 — 120 шт. на пуд), успенская — самая жирная.

В Сорокскую губу сельдь приходит с осени, пока море еще свободно от льда; лов производится короткими неводами с карбасов. Сцепившись попарно, лодки выходят на поиски рыбы. На носу стоит один из ловцов, нащупывая шестами

---

[1] Ст. Г. А. Мебус, в сб. «Производ. силы района Мурманской железной дороги», стр. 189.

стада сельдей. Встретив, по ощущению ударов рыбы о шест, достаточно густой косяк сельди, выметывают сперва один невод, а за ним другой. Зимой каждое утро выставляют невода подо льдом через проруби, от изобилия которых замерзшая поверхность губы становится похожей на решето. Подход сельди и здесь определяется нащупыванием шестом через прорубь. Повсюду царят хаос, шум, гвалт и даже взаимные потасовки в стремлениях занять лучшее место. Кроме неводов, сельдь ловят также громадными рюжами, такими же, какие употребляются и для наваги. Плавного лова сельди со специальных судов у нас не существует вовсе. Добываемая сельдь расходится в мороженом, копченом и соленом виде. Посол сельди производится крайне неудовлетворительно. Не говоря уже о том, что сельдь, в противоположность Голландии, не подвергается зябрению, т. е. удалению жабр вместе с кишечником, она не укладывается, а прямо насыпается в боченки и засаливается слишком недостаточным количеством соли; боченки обычно дурного качества, не держат рассола, взамен коего нередко подливают прямо морской воды. Неудивительно, если из прекрасной по своим качествам рыбы получается очень дурной товар». [1]

Навага ловится в рюжи, или мережи, и просто на удочки, зачастую без крючка, так как прожорливая рыба хватает наживку, непосредственно привязанную к лёсе. Период ловли — начало зимы до января. На рынок навага идет в мороженом виде.

Переходное место между промыслом во внутренних водоемах и промыслом в море занимает добыча семги.

Семга ловится как в море, близ устьев рек, так и в самых реках. Морскими орудиями лова являются: тайники, ставные невода, гарвы и кильноты. В реках очень распространен лов посредством заборов и заколов. Кроме того, семгу «поездуют» — ловят подвижным неводом с двух лодок.

---

[1] Ст. Е. К. Суворова, в сб. «Производ. силы района Мурманской железной дороги», стр. 178.

Заборы и заколы — истребительный способ: перегораживая реку поперек, они задерживают почти всю проходящую вверх рыбу и поголовно ее уничтожают. Ход семги начинается с ранней весны, когда она ищет в устьях рек удобных для размножения мест, и продолжается до глубокой осени, до ледостава.

Лов семги, как рыбы красной, дорогой, очень выгоден. Естественно поэтому, что, составляя по весу 3 — 4% общей добычи рыбы (в годы плохого улова других видов 9 — 10%), по стоимости улов семги колеблется от 24 до 31% всей выручки от рыбного промысла.

Что касается внутренних водоемов, далеких от моря, то несомненно, что здесь использовано человеком далеко не все, отчасти благодаря хищническому способу лова во время икрометания, отчасти вследствие слабой заселенности края. Сильно вредят рыбным богатствам края рыбы-хищники, к уничтожению которых здесь совершенно не прибегают. Так мы уже отмечали, — в главе о водной фауне, — гибельное влияние повсеместно распространенной колюшки. Она — злейший враг онежской ряпушки и других ценных пород.

Кроме колюшки, во многих реках и озерах преобладают щуки и окуни. Вычислено, что щука на фунт собственного веса уничтожает до 30 ф. другой рыбы, а окунь от 11 до 14 ф. В то же время ценные породы, напр., форель, уничтожают только 7 — 8 ф. Естественно, что обилие хищников ведет к гибели, а в некоторых местах к полному исчезновению ценных пород.

Первыми уступают место ценные лососевые породы: палия, лосось, корюшка, снеток, хариус. «Сиг и ряпушка удерживаются в значительно большем числе озер, несмотря на то, что ряпушка является наиболее уничтожаемой рыбой. Затем начинают исчезать постепенно представители семейства карповых: елец, густера, пескарь. Господствующими породами в различных комбинациях (57% всех озер) остаются окунь, щука, плотва, налим, ерш, лещ и язь. Далее, первыми исчезают лещ и язь, остальные породы остаются еще

в 49% озер; затем пропадают ерш и налим, а в 27% озер остается только плотва, щука и окунь. Наконец, исчезает и последний представитель семейства карповых — плотва, и 16% озер остаются населенными только одними хищниками — щукой и окунем; в результате, из числа бывших некогда рыбных озер наблюдается 1,3% с полным отсутствием всякой рыбы». [1]

В бюджете карельского крестьянина рыболовство занимает довольно видное место, хотя, естественно, требует и больших предварительных затрат на покупку невода и другой рыболовной снасти. Затраты эти настолько велики, что зачастую не под силу отдельным крестьянам: приходится покупать невод вскладчину. По словам И. В. Оленева, «средний годовой улов рыбы на каждого хозяина, имеющего все необходимые рыболовные принадлежности, простирается от 60 до 120 пуд., что дает заработок в 50 — 100 руб. на семью, кроме заготовления рыбы для собственного продовольствия».

Охотничий промысел.

Охота, вслед за рыбной ловлей, также является существенным подспорьем в хозяйстве карела. Охотятся здесь на глухаря, тетерева, рябчика, куропатку, а из зверей — на оленей, лосей, медведей, белок, куниц и выдр.

Несмотря на запрещение производить добычу птицы ловушками, последние в очень большом ходу. Каждый карел-охотник имеет в лесу свою тропу (путик), на которой с ранней осени ставит ловушку на птицу и зверя. Этот способ добычи чрезвычайно разорителен, так как большое количество дичи пропадает без пользы, но бороться с ним в необъятных лесных просторах Карелии трудно, почти невозможно.

В феврале и марте, когда сугробы снега затянутся настом — тонкой ледяной коркой, карел охотится на лося и

---

[1] Ст. Е. К. Суворова, в сб. «Производ. силы района Мурманской железной дороги, стр. 188.

оленя. Наст хорошо держит охотника, лыжи быстро скользят по твердому, слежавшемуся снегу, зверю же бежать трудней — он то и дело режет себе ноги.

Карел — великолепный стрелок, умеет быстро бегать и ловко держится на лыжах. И, тем не менее, общая выручка от охоты вряд ли превышала в довоенное время 100 руб. на удачливого охотника. Дело в том, что, в связи с разорительными способами этого промысла, количество дичи и зверя сильно уменьшилось.

Битая дичь шла, главным образом, на ярмарку в с. Шуньгу, Повенецкого у.

По далеко неполным данным, к началу 1922/23 г. в Карелии числилось 12 000 зарегистрированных охотников.

Кустарная промышленность.

Кустарные промыслы в экономической жизни Карелии занимают ничтожное место, ограничиваясь удовлетворением потребностей крестьянского хозяйства и самое большее — ближайшего местного рынка. Широкого сбыта продукты кустарной промышленности не имеют и в бюджете населения играют незначительную роль.

По вычислениям А. А. Рыбникова, в четырех уездах б. Олонецкой губ., вошедших в теперешнюю Карельскую ССР, кустарные промыслы распределялись по уездам следующим образом (см. табл. на стр. 87).

Как и следовало ожидать, на долю дерева и древесной коры падает наибольшее количество кустарей, занятых их обработкой.

Следующее место принадлежит коже, обделка и выделка которой, по числу промышленников, в одном из уездов (Пудожском) идет почти вровень с обработкой дерева.

Одним из самых распространенных надо признать экипажно-колесный промысел. Тарантасы, кабриолеты, телеги, сани, дровни, повозки, колеса и т. п., — все это местного производства. И на каждом экипаже сказывается

Название отраслей промышленности	Олонецкий			Петрозаводский			Повенецкий			Пудожский		
	число промышл.	на 1000 всех промышл.	на 10 000 всего сельск. насел.	число промышл.	на 1000 всех промышл.	на 10 000 всего сельск. насел.	число промышл.	на 1000 всех промышл.	на 10 000 всего сельск. насел.	число промышл.	на 1000 всех промышл.	на 10 000 всего сельск. насел.
Обработка дерева [1]	374	212,5	92,6	803	301,9	110,0	247	335,8	90,7	258	147,7	74,2
Обработка древесной коры (кора, мочала, лапти, бураки)	477	271,0	116,5	346	130,0	47,4	6	8,1	2,3	850	486,6	243,0
Растительное волокно [2]	108	61,3	26,9	477	179,3	65,4	94	127,6	33,9	88	50,4	25,5
Кожа [3]	330	187,4	80,9	557	209,3	76,3	197	267,6	70,8	236	135,1	67,7
Минералы	2	1,0	0,5	47	17,7	6,4	15	20,4	5,5	36	20,6	10,4
Металлы	112	63,5	27,4	217	81,5	29,7	66	89,7	23,9	76	43,5	21,9
Разные [4]	138	78,5	34,0	189	70,9	25,9	96	130,4	34,4	120	68,7	34,3

[1] Под обработкой дерева разумеется: уголь, смола, деготь, доски, гонт, суда речные, колеса, ободья, лопаты, корыта, сохи, бороны, сундуки, ящики, телеги, сани, бондарные изделия, столярные изделия, ложки, посуда, гребни, принадлежности ткачества.

[2] Канаты, веревки, сети, чулки, варежки, пряжа, нитки, ткани, кружево, косынки, строчки, вышивки.

[3] Кожа, овчины, кожаная обувь, шорные и другие кожаные изделия.

[4] Главное место принадлежит портновскому промыслу.

характер местности и ее путей сообщения. В южных частях края, где оживленней хозяйственная деятельность населения и где лучше дороги, кабриолеты, сани, тарантасы, телеги более хорошей, тонкой работы. Чем дальше на север, тем проще и грубей экипаж. В уездах Кемском и Повенецком, где за отсутствием удобных путей сообщения езда производится верхом или по озерам и рекам на лодках, употребляются так называемые «волоки». Они состоят из двух длинных жердей, служащих при запряжке оглоблями; на нижней трети жердей прикреплены две поперечные перекладины, на которые и привязывается багаж.

Лучшие экипажи вырабатываются в окрестностях г. Олонца и носят на себе следы финского влияния («улванские мастера» — с. Улван, Олонецкого у.). Но даже и здесь общий заработок не превышает 4 000 руб. в год для всех кустарей уезда; что касается других местностей Карелии, то там заработки отдельных кустарей еще ниже.

Бондарный промысел также распространен по всему краю, но опять-таки носит, по преимуществу, местный характер. Делают ушаты, шайки, лоханки, бочки, подойники, кадушки и т. д. На первом месте по количеству вырабатываемых предметов и по размерам выручки стоял в дореволюционное время Олонецкий уезд.

Из изделий, на которые идет древесная кора, большим спросом пользуется «туюса» — небольшие цилиндрические сосуды из целой бересты с выемною крышкой; употребляются для ношения молока, сметаны, яиц и проч. «Туюса», или «туяса», очень распространены на Севере, благодаря своей прочности и легкости: в них крестьянин уносит на работу запас пищи, в них хранит он различные припасы.

Из промыслов, которые характерны для Карельской республики, следует отметить ломку и обделку мрамора. Карелия славится ценными породами мрамора, залежи которого расположены около с. Тивдия, Петрозаводского у. («тивдийский мрамор»). Насчитывают до 30 сортов мра-

мора; число это, несомненно, увеличится в связи с изучением естественных богатств края.

Тивдийские мраморы известны вторую сотню лет. Повидимому, первые ломки их надо отнести к 1757 г., когда к олонецким петровским заводам были приписаны для производства работ крестьяне различных волостей Петрозаводского у. Затем ломки перешли к комиссии, которая строила одно из красивейших зданий Ленинграда — Исаакиевский собор. В связи с оживлением работ начались изыскания в других местах, и были открыты месторождения: Соломенское, Шокшинское, Пергубское и др.

Однако, ни частная предприимчивость, ни усилия казенных учреждений не создали здесь крупных и прочно существующих разработок, и к началу мировой войны, вместо изящных и дорогих вещей, в Карелии изготовлялись из мрамора по преимуществу мелкие и довольно грубые изделия: пресс-папье, столовые доски, пепельницы и разные украшения для стола, вроде пирамид, книжечек, яичек и т. п.

Кустарный способ обработки мрамора совершается при помощи столь же кустарных, примитивных орудий: долота из литой стали, стального молотка (кьянка), молотка для обтесывания материала с острием, наваренным сталью («тесовик»), и бурового тяжелого молота.

Шлифовка совершается при помощи воды и песка; только более состоятельные мастера употребляют наждак и свинец и в редких случаях, при окончательной отделке, — «итальянскую мумию» — белый порошок, который ценится очень высоко (4 руб. за фунт). Обычно отделка производится воском, что обесценивает готовую вещь.

Организованного сбыта изделий в дореволюционное время не было. Пользуясь разрозненностью кустарей, скупщики выбирали самое неблагоприятное для мастеров время, когда не было спроса на мраморные изделия, и скупали последние задешево. Сбыт шел на Шунгинскую ярмарку, в Повенец, Петрозаводск, Вытегру, Петербург и Финляндию. Средний

заработок от обработки мрамора, по земским исчислениям, равнялся 100 руб. в год, спускаясь до 25 — 30 руб. для заурядного мастера и поднимаясь до 200 — 300 руб. для наиболее опытного.

Подводя общие итоги развитию кустарных промыслов в Карелии, необходимо отметить, что существенного значения, по количеству занятого в них населения, они не имеют.

Промышленность.

Добывающая и обрабатывающая промышленность развита в Карелии так же слабо, как и кустарная. Причиной тому — слабая населенность края и отсутствие удобных путей сообщения. Проведение Мурманской железной дороги, имеющей, безусловно, крупное экономическое значение, должно было вызвать известное оживление, но, во-первых, военные события, а, во-вторых, краткость самого существования дороги до недавнего времени препятствовали обнаружению благотворного для промышленности значения этого фактора. В данный момент промышленность КССР составляет около 0,4% всего промышленного производства РСФСР.

Древнейшей отраслью промышленности является горнозаводская. Рудничные и заводские предприятия основываются здесь во второй половине XVII в., находят сильную поддержку при Петре и, тем не менее, отличаются в ряде мест недолговечностью и медленным развитием.

Во второй половине XVII в. возникли заводы Устьрецкий и Кедрозерский в Кижском погосте. При Петре открываются заводы: Повенецкий чугуноплавильный и железоделательный с двумя доменными печами на р. Повенчанке; Вичьковский — на берегу губы Онежского озера; Ателевский железоделательный — на Онежском озере в Повенецком у.; Кончезерский медный, а впоследствии чугуноплавильный и многие другие.

Все эти заводы основываются государством и за государственный счет.

Во второй половине XVIII в. в деле постройки заводов принимает участие и частная инициатива: Токорецкий завод, Олонецкого у. (1763 г.); Петрозаводский железоделательный и молотовый (купца Ольхина); завод Бараль, Шанионе и К⁰ (1765 г.) и железоделательный Бормина (1761 г.).

В 1772 г. основан казенный Александровский чугунопушечный завод и ряд мелких: Мегорский, Теленьковский, Лапландский и т. д.

В начале XIX в. открывается еще целый ряд заводов, но все они существуют недолго, и только казенный, б. Александровский, сохранился до наших дней.

Причина неустойчивости горнозаводской промышленности лежит, повидимому, в несколько легкомысленном отношении к горным богатствам края: заводы строились после поверхностных изысканий и без достаточного учета всех условий привлечения и найма рабочих рук, а также без серьезного взвешивания стоимости перевозок и т. п. Так, напр., Вичьковский завод (казенный) передан был частным предпринимателям по случаю оскудения рабочих рук и т. д.

Отсутствие рабочих рук также немало препятствовало развитию горного дела. Чтобы бороться с этим, правительство еще с первых годов XVIII в. стало приписывать крестьян к заводам, заменив им подушную подать заводской работой. В 1725 г. к Повенецкому и Кончезерскому заводам было приписано около 16 тысяч крестьян, более 1 000 человек — к Тивдийским мраморным ломкам и около 4 000 — к Петровскому медноплавильному и купоросовому заводу. Однако и такая мера не могла предотвратить упадка горной промышленности и уберечь ее от окончательной гибели.

В пределах Кемского у. в первой половине XVIII в также велись горные разработки. В 1732 г. с знаменитого Медвежьего острова было доставлено в Ленинград самородное серебро. Энергичная разработка рудника продолжалась до 1736 г., причем было добыто свыше 25 пуд. серебра.

В том же 1745 г. был открыт Воицкий золотой рудник, разработка которого велась довольно интенсивно и была

брошена, несмотря на то, что запасы золота еще не были исчерпаны.

В середине XIX в. разрабатывался медный рудник близ д. Ушково на западном берегу Муезера, верстах в 30 к с.-з. от с. Сороки. «Более значительный рудник расположен близ Шуезера в том же районе. Здесь, в хлоритовом сланце проходит ряд квасцовых прожилок с содержащими медь минералами и свинцовым блеском. Запасы меди Шуерецкого месторождения не выяснены, но залежь прослеживается на протяжении нескольких десятков саженей, при ширине в несколько саженей».[1]

В 1915/16 г. близ сел Керети и Сороки возобновилась добыча старинного ископаемого, доставившего славу Северу даже за границей, — слюды. Расцвет слюдяной промышленности относится к концу XVII и началу XVIII в., когда в Кереть «посылались особые целовальники для сбора слюды, интенсивно разрабатывавшейся монахами и крестьянами Соловецкого монастыря. [2]

Быстрое возникновение горнозаводских предприятий и столь же стремительный упадок их вовсе не свидетельствуют о том, что почва для этой отрасли промышленности исчерпана. Скорей наоборот, неизученность земных недр и всех местных условий являлась главной причиной их гибели как на юге Карелии, так и в пределах ее северной части—в Кемском у.

По отдельным своим отраслям в 1924/25 операционном году промышленность Карелии распределялась следующим образом:[1]

	Число рабочих в действ. предпр.	Стоимость валовой выраб. в тыс. руб.
Лесная	2 571	9 763,00
Металлическая	798	951,00
Строительная	180	118,00
Пищевая	31	142,50
Горная	204	114,00
Итого	3 784	11 088,50

[1] «Производ. силы района Мурманской железной дороги», стр. 133.
[2] Там же, стр. 134.
[3] «Карельский госуд. бюджет на 1925/26 г.».

Главная масса промышленных предприятий принадлежит ВСНХ и его органам, затем идут ведомственные заведения, кооперативные, арендованные и находящиеся в частной собственности, причем последней группе принадлежит совсем ничтожная роль.

На долю лесной промышленности приходится почти $^9/_{10}$ общей продукции (88%); остальная сумма распределяется между другими отраслями промышленности.

До революции в б. Олонецкой губ. на лесопильное и древесно-массное производство падало 67—68% общей продукции.

Включение в состав Карелии Кемского у., с его развитой лесопильной промышленностью, вызвало естественное увеличение процента лесопромышленности.

Таким образом, основное направление промышленного развития края остается неизменным: оно шло и идет в сторону интенсивного использования громадных лесных богатств Карелии.

По стоимости продукции своей промышленности Карелия занимает третье место в С.-З. области, уступая лишь губерниям Ленинградской и Новгородской.

Переходя к частностям промышленной жизни края, прежде всего считаем необходимым отметить, что наибольшее число заводов расположено около г. Петрозаводска и в его уезде. Наиболее крупные лесопильные заводы находятся в Кемском у.

Как уже отмечалось ранее, горнозаводская промышленность не получила в Карелии развития. В сущности, далеко не были использованы и лесные богатства края. За годы войны хорошо работал только Александровский (ныне Онежский) снарядный и металлургический завод, увеличивший число рабочих с 1 096 в 1913 г. до 1 689 в 1917 г.; лесопильное же производство испытало сильное сокращение. За годы гражданской войны Карелия пострадала особенно сильно.

Лесопильное производство ныне распределяется между Кареллесом, Севзаплесом и Северолесом.

За последние годы оно обнаруживаеть сильной рост (так, напр., в 1922/23 г. было распилено около 40 тыс. стандартов, а в 1925/26 г. уже около 100 тысяч).

В процентном отношении к средней выработке пиломатериалов в довоенное время выработка в 1922/23 г. достигала 40%, в 1924/25 г. — 72%, а в 1925/26 г. уже перешагнула довоенные размеры.

Металлопромышленность КССР занимает второе место по своему удельному весу в промышленности Республики. Главный центр производства — г. Петрозаводск.

Выработка за последние годы:

1922/23 г.	на сумму	596	тыс.	руб.
1923/24 »	»	»	947	»	»
1924/25 »	»	»	951	»	»
1925/26 » (предполож.)	»	»	3 534	»	»

Резкое увеличение выработки (предположительно) в 1925/26 г. объясняется присоединением к центру металлопромышленности КССР — Онегозаводу — ленинградского, хорошо оборудованного, Петрозавода.

В общем продукция металлопромышленности в 1922/23 г. достигала 50% довоенной и в 1924/25 г. поднялась до 77% по сравнению с последним довоенным годом (1913 г.). Онегозавод производит насосы, снаряды, чугунное и медное литье, железные и стальные изделия и проч.

Пищевая промышленность представлена единственным пивоваренным заводом в Петрозаводске. Продукция этой отрасли промышленности очень скромна — 2% ко всей выработке промышленных предприятий КССР.

Строительная промышленность функционирует с 1925 г., когда было организовано хозрасчетное предприятие «Карелстрой».

Электростроительство по удельному весу, даже в масштабе РСФСР, доходит до 5% с учетом расходов как из государственного коренного, так и из союзного бюджета. Мощность будущей электростанции (Кондострой) — 5,6 тыс.

киловатт. Значение ее для КССР громадно, и быстрое окончание работ должно вызвать оживление во всех отраслях промышленности молодой Республики.

Пути сообщения.

Хозяйственную деятельность населения в значительной мере обусловливают пути сообщения: там, где они хороши, где судоходны реки, в исправности содержатся шоссейные дороги и развита железнодорожная сеть, — там растет и ширится промышленность, труд находит себе применение, и природные богатства не лежат втуне.

Про Карелию до самых последних лет можно было сказать, что она бездорожна. Под боком у столицы, рядом с Финляндией, где пути сообщения содержатся в образцовом порядке,— Карелия была страной болот, озер и непроходимых лесов.

Мировая война вызвала появление Мурманской железной дороги. Тонкой полоской протянулась она с севера на юг, оставив попрежнему необслуженными запад и восток. Влияние этой железной дороги огромно. В частности, благодаря дороге поднят вопрос о колонизации края.

В общем же большинство карельского населения и до сих пор общается между собой и с внешним миром либо по образу пешего хождения, либо по озерам и речкам — на лодках. Только зимой для всего края открывается возможность регулярных гужевых перевозок.

Водное сообщение, в свою очередь, очень ограничено, так как карельские реки чрезвычайно порожисты. Таким образом, связь между отдельными озерами, где легко осуществимо правильное пароходное движение, наладить, при теперешнем положении речного дна, нельзя. Обильный водами край остается попрежнему страной малодоступной для водного парового двигателя.

Регулярные пароходные рейсы совершаются только по Онежскому озеру и по западному побережью Белого моря.

Грунтовые дороги находятся в самом плачевном состоянии как в отношении количества, так и по своему качеству. Кемский и Ухтинский уезды их, можно сказать, не знают, если не считать 17-верстной дороги от г. Кеми до с. Подужемье и вдоль берега Белого моря, от г. Кеми по направлению к Сумскому посаду. Последняя дорога в свое время вызывала много шума, так как строилась «хозяйственным» способом царскими чиновниками не без пользы для собственного кармана. Ездить по ней нельзя было уже на другой день после ее открытия. С проведением Мурманской железной дороги «тракт» утратил всякое значение.

В южной части Карелии, в пределах б. Олонецкой губ., дорожный вопрос обстоял несколько лучше. Но и здесь для уездов, вошедших сейчас в состав Республики, картина бездорожья налицо.

УЕЗДЫ	Всех селений	Селений, лишенных дорог	% их
Олонецкий	534	229	43,7
Петрозаводский	636	370	58,1
Повенецкий	402	253	62,9
Пудожский	396	208	52,5

Больше половины селений лишено колесных дорог. Мало того: в Повенецком и Пудожском уездах 12 деревень удалены от дороги на 50—60 *км*, 6 деревень на 60—70 *км* и 7 деревень на 70 — 80 *км*. Для двух других уездов отдаленность от путей сообщения понижается: в Петрозаводском у. нет селений, отстоящих от дорог далее 53 *км*, в Олонецком — далее 43 *км*.

Отсутствие колесного сообщения возмещается обилием троп. Высчитано, что различных троп, соединяющих бездорожные селения между собою и с дорогами, насчитывалось во всей б. Олонецкой губ. 8 528 *км*, т. е. столько же, сколько и колесных дорог (8 500). Эти тропы идут в самых

разнообразных направлениях и не смущаются никакими преградами. Порою переправа по ним совершается на четвереньках, порою тропа идет по топкому болоту, причем малейшее отклонение в сторону грозит путнику многими неприятностями. А то, как в Кемском и Повенецком уездах, тропа громоздится с «вараки» на «вараку» (с горы на гору) и бесконечно утомляет пешехода.

Из грунтовых дорог экономическое значение имел Петрозаводско-петербургский тракт, главным образом на участке между Мегрегой, Олонецким и Торос-озером, как подъездной путь для пристаней на р. Свири. Общее число грузов определялось здесь в 500 тыс. пуд. С проведением Мурманской железной дороги значение тракта уменьшилось.

Тракт Вознесенье—Петрозаводск пропускал около 165 тыс. пуд. грузов. По Шуньгскому тракту проходило до 400 тыс. пуд. (на Шуньгскую ярмарку).

Большое значение в торговом отношении имел путь, ведущий от г. Олонца в г. Сердоболь в Финляндии, по которому ввозились из Финляндии хлеб, кофе, цикорий, мануфактура, железо, экипажи и проч. и вывозился лес для финляндских заводов. Сердобольским трактом проходило свыше 2.250 тыс. пуд.

Транзитное значение имели: 1) тракт Повенец — Сумский посад, по которому шли рыба и дичь с севера в Ленинград, и 2) тракт Ленинград — Архангельск. С проведением Мурманской железной дороги торговое движение по этим трактам прекратилось.

М у р м а н с к а я ж е л е з н а я д о р о г а вызвана к жизни в значительной мере войной 1914 г. Правда, вопрос о постройке рельсового пути, соединяющего Петрозаводск с Ленинградом, поднимался неоднократно. В 1912 г. был выработан и утвержден даже устав соответствующего частного общества. Но работы не подвигались вперед, и только необходимость иметь доступ к открытому океану заставила царское правительство энергично взяться за постройку дороги. Работы были начаты в июне 1915 г., а 3 ноября 1916 г.

была закончена укладка сквозного рельсового пути от Петрозаводска до Ледовитого океана.

Значение дороги для Карелии для Мурмана и Лапландии огромно. Если не считать того обстоятельства, что самая постройка дороги вызвала потребность во многих тысячах рабочих рук, будущее этого, самого северного в Союзе советских республик, железнодорожного пути неисчерпаемо. В его районе находится свыше 12 млн гектаров леса, который до постройки железной дороги, несмотря на свои прекрасные качества, шел за границу только через порты Белого моря и почти в сыром виде; в лучшем случае, в виде досок и т. п. Близость железной дороги, естественно, должна вызвать усиленную обработку лесоматериалов и развитие древесно-химической и древо-массной промышленности.

Рыболовство, ограничивающееся в данный момент исключительно удовлетворением внутренних потребностей Карелии, с проведением Мурманской железной дороги сможет начать работу на широкий рынок.

Наконец, наличие быстрого сообщения с потребляющими центрами (Ленинград) ставит в совершенно исключительные условия сельское хозяйство. Карелия, по примеру соседней Финляндии, может перейти на скотоводство и на выработку молочных продуктов.

Что касается естественных запасов Карелии, то Мурманская железная дорога призвана разбудить уснувшие производства и вызвать к жизни новые.

Но все эти возможности откроются только тогда, когда в районе дороги появится **новый человек**, когда бесконечные северные пространства покроются сотнями и тысячами **новых** жилищ, и на зов паровоза, прокладывающего путь к Полярному кругу, ответит не эхо отдаленной вараки, а говор молодой, зарождающейся жизни.

Мурманская железная дорога получила право льготной колонизации Севера. Остается пожелать, чтобы это право нашло своих пионеров.

Только в неразрывном сочетании творческой воли человека с щедростью природы — залог нормального экономического развития.

Помимо гужевых путей сообщения, указанных выше, и Мурманской железной дороги, носящей пока для Карелии транзитный характер, большое экономическое значение имеют некоторые реки, впадающие в Белое море. Это: Кемь, Выг, Ковда, Кереть и др., при впадении которых находятся значительные центры экономического тяготения Карелии.

Все реки западного побережья Белого моря порожисты и поэтому несудоходны. Они — не пути сообщения, они — артерии лесной промышленности края, и у входа в море их сторожат лесопильные заводы.

Значение портов, которые расположены у устьев этих рек, характеризуется следующими двумя таблицами (1913 г.) (см. табл. на стр. 102).

Привоз на судах заграничного плавания состоял, главным образом, из каменного угля (90% по весу), затем вводились машины, инструменты, огнеупорная глина, чугун, кирпич, соль, кожа. Вывоз — почти исключительно лесные материалы и лишь в очень небольшом количестве мука (только 850 пуд. в 1913 г.).

В каботажном плавании привозились преимущественно продовольственные продукты, мануфактура, хозяйственные предметы, толь, алебастр, кирпич и т. п. Приходили также и лесные материалы для последующего вывоза за границу.

В вывозе на каботажных судах главную роль играют лесные материалы, затем рыба.[1]

Торговля.

Налаживающаяся хозяйственная жизнь Карелии характеризуется развитием торгового аппарата, по преимуществу в сельских местностях, что явствует из следующих данных:

[1] «Производствен. силы района Мурманской железной дороги», стр. 60 — 61.

Количество торговых заведений.

	1913 г.	1/I 1924 г.	1/X 1924 г.	1/X 1925 г. Колич.	1/X 1925 г. В % к 1/X 1924 г.
Петрозаводск	160	311	292	187	64
Проч. местности	—	535	564	601	107

«Особенно заметно увеличилось число заведений в отдельных районах, где раньше была «торговая пустыня», как, напр., в Ухтинском и Кемском уездах» (112,7% и 233,3% по отношению к 1/X 1924 г.). [1]

Что касается размера заведений, то торговля Карелии развивается в том же направлении, как и по всему Союзу: увеличивается число средних и крупных торговых предприятий; уменьшается торговля с ларьков, палаток и лотков. Наиболее ярко заметно укрепление кооперативной торговли.

Господствующее положение на рынке КССР принадлежит государственной и кооперативной торговле, каковые вместе имеют 51,4% всего числа заведений.

Удельный вес частной торговли по числу предприятий обнаруживает явную тенденцию к уменьшению: если число частных заведений принять на 1/I 1924 г. за 100, то через год он составляет 84%, а к 1/X 1925 г. — только 73%. Частная торговля занимает до 90% всех заведений I и II разрядов. В этой группе занято до 60% всех частных предприятий. Такое положение, конечно, является показателем незначительного удельного веса частника в торговле КССР.

Анализ оборотов торговых предприятий приводит к тому же выводу об уменьшении роли частной торговли.

---

[1] И. М. Кантор. «Торговля Карелии», стр. 32.

Обороты торговых заведений (в тыс. руб.)

Виды торговли	1923/24 г.	1924/25 г.	%% изменений к 1923/24 г., принятому за 100
Государственная	1 610,4	2 273,0	141,1
Кооперативная	2 515,0	7 658,0	304,4
Частная	4 991,4	4 420,0	88,5
Итого	9 116,4	14 351,0	157,4

Эти цифры показывают, что за 1924/25 г. произошло возрастание оборотов торговли на 57,4%, причем по линии государственной торговли оно равно 41,1%, а по кооперативной линии — 204,4%. Частная торговля за тот же период уменьшила свои обороты на 11,5%. Соответственно снизился и удельный вес частника на рынке КССР — с 54,7% всего оборота в 1923/24 г. до 30,8% в 1924/25 г.

Указанные данные принадлежат Наркомфину, который, как известно, не учитывает кооперативной организации с оборотом ниже 20 000 руб. Если принять во внимание это обстоятельство, а равно частичное обложение гостарговли, оборот за 1924/25 г. составит:

Виды торговли	Сумма оборота	
	в тыс. руб.	в %
Госторговля	8 700	34,1
Кооперативная	12 320	48,3
Частная торговля	4 500	17,6
Итого	25 520	100,0

Кооперация.

Карельская кооперация получила первый сильный толчок к развитию после революции 1905 г. До этого в б. Олонецкой губ. существовало только 10 кооперативов. К началу

I. Пришло в порты судов.

Порты	Каботаж			Заграничное плавание						Всего пришло судов		
				русских			иностранных					
	парох.	парусн.	всего	парох.	парусн.	всего	парох.	парусн.	всего	парох.	парусн.	всего
Сумский посад	65	12	77	—	1	1	—	—	—	65	13	78
Сорока	124	51	175	2	2	4	42	—	42	168	53	221
Кемь	175	19	194	—	—	—	21	—	21	196	19	215
Кереть	78	6	84	—	—	—	5	—	5	83	6	89
Ковда	104	5	109	—	1	1	36	—	36	100	6	146
Всего	546	93	639	2	4	6	104	—	104	652	97	749

II. Грузооборот портов (в пудах).

Порты	Каботаж		Заграничн. плавание		Всего	
	привоз	вывоз	привоз	вывоз	привоз	вывоз
Сумский посад	91 925	24 674	1 322	11 530	93 247	36 204
Сорока	1 909 685	24 034	19 758	4 273 615	1 929 443	4 297 679
Кемь	624 149	2 190 675	47 152	2 139 210	671 301	4 329 885
Кереть	777 189	40 798	—	715 850	777 189	756 648
Ковда	150 409	30 517	273	3 186 544	150 682	3 217 061
Всего пудов	3 553 357	2 310 698	68 505	10 326 779	3 621 862	12 637 477

мировой войны имеется уже 62 потребительских общества, 22 сельскохозяйственных товарищества и 55 кредитных товариществ. В частности, мощность потребительской кооперации характеризуется следующими цифрами: в 1913 г., по данным земской статистики, на одно потребительское общество приходилось в среднем 124 чел., собственных средств 2 783 руб. и торговый оборот в сумме около 15 000 руб. в год. По данным на 1/X 1925 г. на одно потребительское общество приходится: членов 187 чел., собственных средств 1 712 руб. и торгового оборота 58 200 руб. в год.

Таким образом, карельская кооперация (потребительская) еще не богата собственными капиталами, но зато она крупней по количеству членов и по оборотам.

Сельскохозяйственная кооперация представлена в Карелии 83 различными сельскохозяйственными товариществами с 4 773 членами. Эти товарищества объединены в два различных центра: Крайсоюз и Шальский союз (с. Шала, Пудожского у.).

ГЛАВА IV.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА.

Столицей Карельской республики, ее административным центром, является г. Петрозаводск, расположенный на с.-з. берегу Онежского озера, при впадении рек Лососинки и Неглинки. На устьи первой из этих речек в 1703 г. построен был Петровский скорный завод, закрывшийся в 1727 г. При заводе образовалась слобода, названная Петровской.

В 1774 г. немного выше по течению Лососинки построен Александровский пушечно-снарядный завод, существующий и до сих пор. В связи с этим, Петровская слобода в 1777 г. сделана уездным городом Олонецкой области, Новгородского наместничества, и переименована в Петрозаводск. В 1784 г. Петрозаводск превращен в губернский город вновь открытого Олонецкого наместничества, состоявшего из губерний Олонецкой и Архангельской. Первым Олонецким губернатором был Г. Р. Державин, знаменитый поэт конца XVIII в.

Рост Петрозаводска по данным переписей представляется в следующем виде:

Перепись 1857 г.	12 522	жит.
» 1920 »	19 256	»
» 1923 »	22 112	»
» 1926 »	26 361	»

В 1796 г. Олонецкое наместничество было упразднено, и Петрозаводск стал уездным городом Новгородской губ. Окончательно в правах губернского города Петрозаводск восстановлен в 1802 г.

От первоначального поселения Петровского завода сейчас остались только ямы и следы плотины. Александровский завод также несколько раз перестраивался, применяясь к новым требованиям техники. Поэтому изучать Петрозаводск по его памятникам чрезвычайно трудно. Зато много любопытного можно найти в естественно-промышленном и историко-этнографическом музее края.

К северу от Петрозаводска, на берегу пролива, соединяющего Онежское озеро с Логмозером, находится с. Соломино, названное так от карельского слова «солма» (пролив). Достопримечательностью села является громадный «бараний лоб» из диорита, на котором помещается каменная церковь. При селе — лесопильный завод. В свое время Соломенская пристань отправляла значительное количество лесных материалов. Над проливом возвышается «Соломенский камень», состоящий из диоритовой брекчии (обломки глинистых сланцев, гранита, гнейса и кварца, связанные хлоритово-кварцевым цементом). Брекчия ломалась на украшения одного из красивейших зданий Ленинграда — Исаакиевского собора.

Верстах в 20 по берегу Кондопожской губы расположено с. Суйсари — одно из значительных сел Петрозаводского у., с красивым видом на большой остров, лежащий против него и покрытый густым лесом.

Несколько в стороне от железной дороги (ст. Шуйская) лежит Шуйский погост — старипннейшее поселение Карельского края. От погоста грунтовая дорога ведет к с. Дворец и Кончезерскому заводу. Дорога эта очень живописна: она идет по узкому перешейку между озерами Кончезерским и Укшезером и обрамлена почти отвесными диоритовыми скалами. Кроме того, здесь же расположен ряд озер на возвышающихся друг над другом террасах.

Кончезерский завод в данный момент не работает. Основан он в 1707 г. на возвышенном перешейке, отделяющем озеро Кончезеро от Петрозера. Перешеек служит заводу естественной плотиной, так как Петрозеро на 4 саж. ниже своего соседа; воды его, стекая в Кончезеро, приводят в действие самый завод. Первоначально завод был медноплавильным, но с 1719 г. он превращен в чугуноплавильный, с 1763 г. отливал пушки и снаряды. Вообще же до последних лет завод имел «вспомогательное» назначение, перерабатывая местную озерную и болотную руду для последующей переплавки в Александровском заводе.

С. Дворец замечательно кончезерскими марциальными водами. Воды эти находятся близ озера Габозера и открыты в 1714 г. заводским рабочим Рябовым, освобожденным за это со всей семьей от заводских работ. Кончезерскими водами лечился Петр, и на этом построена их известность. Кроме железистых соединений, воды содержат еще сернокислый натр. Сейчас к ним прибегает только местное население.

Верстах в 15—18 от Кончезерского завода находится водопад Кивач, воспетый поэтом и излюбленный туристами, не боящимися далеких путешествий. Попасть к водопаду можно или через ст. Кивач, Мурманской железной дороги, или от Кончезерского завода. Самый порог лежит поперек всей реки Суны и представляет собою утес, высотою более 5 саж. с четырьмя уступами. Большое падение воды — 10,7 *м* на протяжении 0,2 *км*. Мощность — 30 000 лошадиных сил.

Красота Кивача воспета многими, и первый его трубадур Г. Р. Державин (в оде «Водопад»).

Однако многие путешественники не без основания находят, что Кивачу не уступают два другие водопада — Порпорог и Гирвас, расположенные на той же реке Суне, в 30 верстах выше Кивача. Попасть к ним можно дорогой на д. Викишцы и далее на с. Шушку и Усть-Суну (так

называемый Каянский тракт, так как именно по этой дороге во время шведской войны шли провиант и военные припасы).

«Совершенно ошеломляющее чувство испытывали мы, — говорит один путешественник, — при виде водопадов Пор-порога и Гирваса. Пробившись через несметное множество скал, Суна спокойно течет в песчаных берегах — и вдруг на полдороге к своему устью, встречает неприступные диоритовые кряжи. Она напрягает все силы для боя с этими врагами, и три порога или падуна — Гирвас, Пор-порог и Кивач — представляют три момента этой борьбы: трудность первого приступа, ожесточение разгара битвы и торжество победы. В Гирвасе река прокладывает себе на целой полуверсте путь через утесы, порой сжимается в берегах в узкую ленту; в нее выдвигаются камни и целые скалы, но она бежит мимо них и пробивает их насквозь. Если смотреть на Гирвас с крутизны высокого берега, то волны Суны, покрытые на необъятное пространство белой пеной, кажутся утомленными и обессиленными, но с подводных утесов видишь, сколько страшной силы в медленном и сдержанном течении реки: каждый шаг ее покупается упорной борьбой, но зато первая гряда гор взята приступом. В Пор-пороге три водопада падают один за другим на сорока или тридцати саженях с ужасной вышины. Гул падения далеко разносится по лесу, а близко превращается в стройный шум. Сойдите на утес, который врезался в реку у третьего водопада, и вы почувствуете себя в самом центре боя. Скала наполовину сокрушена волнами и потрясается в основании от их набега. Направо слышны удары вод, которые переносятся через преграды двух первых падений; внизу кипит целый хаос глухих звуков и неясных очертаний. Синие сверху волны как бы исчезают в пучине черных вод и желтоватой пены, перепрыгивают через темнокрасные камни, бросаются с громом через скалы и бешено низвергаются вниз, разбрасывая вокруг победные столбы серебристой пыли, которая в лучах

солнца сияет всеми цветами радуги. Каменные громады обоих берегов смотрят безучастно, как бы отказываясь от бесполезной помощи побежденным товарищам. На левой стороне сверкает синяя пелена водной массы, которая отдыхает между песчаных берегов, приготавливаясь к последней схватке с каменными преградами на Киваче» (цит. по «России», т. III).

По Каянскому тракту можно проехать на Тивдийские мраморные ломки, расположенные в крутых обрывистых берегах р. Тивдии при селении того же имени. Ломки заложены еще в XVIII в., а в 1807 г. построен для обделки мрамора специальный завод, который с окончанием поставки материала для Исаакиевского собора в 1863 г. закрыт. Мрамор Тивдии не особенно высокого качества, так как содержит включение кварца, затрудняющего обработку, и серного колчедана, дающего при выветривании бурые пятна. Разнообразней мраморы Белой горы; кроме того, в окрестностях Тивдии находятся залежи мрамора «красногорского» (пестрого) и «горбовского» (темнобурого с белыми пятнами). Все эти сорта мраморов шли на украшение лучших зданий Ленинграда. В настоящий момент Тивдийские ломки не разрабатываются, если не считать кустарных поделок из мрамора, тоже очень редких.

Возвращаясь к Мурманской железной дороге и Онежскому озеру, следует указать на с. Лижму с небольшим лесопильным заводом.

Из селений, расположенных на западном берегу «Онего», многие имеют связь с различными периодами в развитии русской власти (напр., Толвуй служил местом ссылки Марфы-Ксении Романовой). Очень оригинальна церковь Кижского погоста (1714 г.), вошедшая во все исследования по истории деревянной архитектуры; она имеет 25 глав и сложена из толстых и чрезвычайно крепких бревен.

С. Шуньга — группа селений в 30 верстах к югу от г. Повенца — древнее село, игравшее перед революцией круп-

ную экономическую роль, благодаря зимним четырем ярмаркам. Здесь происходил сбыт пушного товара и дичи. Около Шуньги найден «шуньгит», близкий к антрациту.

На северном берегу Онежского озера, при впадении реки Повенчанки, лежит г. Повенец с 1718 чел. жителей. Первоначально это было селение Повенцы, приписанное в XVI в. к одному из новгородских монастырей. В 1680 г. в связи с развитием торговли, в Повенцах была учреждена таможня, и с 1685 г. селение называлось Повенецким Рядком.

В 1703 г. около последнего Петр устроил чугунолитейный завод. Завод до 1726 г. был казенным, затем 10 лет находился в частном владении и был заброшен. Уездным городом Повенец стал в 1782 г. При городе находится небольшой лесопильный завод. Повидимому, экономическое значение города, никогда не бывшее особенно сильным, переходит на ст. Медвежья гора, находящуюся вблизи Повенца: здесь за самое короткое время выросло поселение в 800 чел.

На север от Повенца идет старинный Повенецко-Сумский тракт, по которому шло сообщение между Белым и Балтийским морями. В стороне от тракта, на р. Выгу, находился Даниловский старообрядческий монастырь (Выговская пустынь), сыгравший крупную роль в раскольническом движении.

На реке же Выгу, близ с. Надвойцы, шумят могучие Воицкие водопады, про которые М. Пришвин сказал: «Гул, хаос!.. Трудно сосредоточиться, немыслимо отдать себе отчет, что же я вижу? Но тянет и тянет смотреть, словно эта масса сцепленных частиц хочет захватить и увлечь с собой в бездну, испытать вместе все, что там случится» (М. Пришвин. «Очерки», стр. 145). Здесь же, около с. Подвойцы, расположены заброшенные медный и золотой рудники.

Оторвавшись от Онежского озера, Мурманская железная дорога подходит к Белому морю у с. Сорока, Кем-

ского у. Сорока — место самых богатых уловов сельди; кроме того, здесь же крупный лесопильный завод.

Следующий экономический и административный центр — г. **Кемь**. Он расположен на р. Кеми, в 8 верстах от впадения ее в море. Город имеет длинную и многострадальную историю. В сохранившейся «Истории о новоучрежденном городе Кеми, состоящем в Олонецкой губ. в Петрозаводском ведении, при пределах Белого моря, Северного океана, на реке Кеми» — рассказывается между прочим:

«В лето 1579 и 1590 онья Кемская волость от шведов дважды была воюема. Храмы божии и обывательские дома выжжены, жители побиты, иные в полон взяты, и другие разбежались. По наступлении лета 1591 г. — июня, по грамоте царя и великого князя Федора Иоанновича, Кемская волость отдана Соловецкого монастыря игумену Иакову с братиею. Того же лета, августа 29 дня, по таковой же царя и великого князя грамоте, велено ему, игумену с братиею, ведать суд и расправу над крестьянскими властями Соловецкого монастыря или кому они прикажут».

Соловецкий монастырь называет Кемь волостью еще в XIV в. В это время она принадлежала новгородской посаднице Марфе Борецкой. В 1450 г. Марфа подарила волость Соловецкому монастырю. С падением Новгорода Кемь сделалась собственностью московского князя, и только в конце XVI в. она вновь отдается монахам.

В 1657 г. в Кеми выстроен двухэтажный острог и вооружен пушками. В 1764 г. Кемь возвращается под ведомство «государственной коллегии», а в 1785 г. она объявляется городом. Открытие нового города производит Г. Р. **Державин**, в то время олонецкий губернатор. В 1799 г. Кемь сделана уездным городом Архангельской губ.

В данный момент г. Кемь, после Петрозаводска, самый крупный центр Карелии: в нем 3 924 чел. жителей; около него, на острове Попове, расположен крупнейший карельский лесопильный завод; кроме того, в Кеми находятся железнодорожные мастерские.

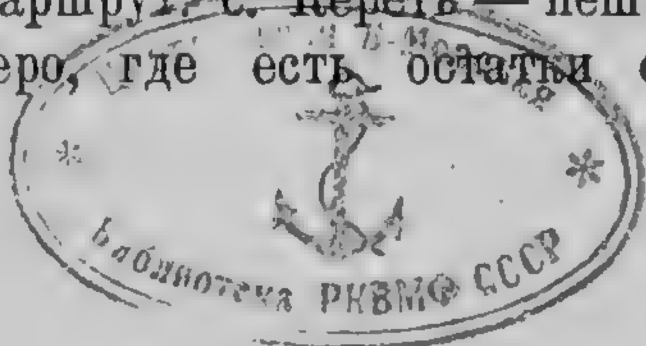
Не доезжая 17 верст до г. Кеми, на реке того же имени, лежит водопад Ужма (у с. Подужемья). Как известно, длина знаменитого финского водопада Иматра 900 *м*, высота 19 *м* и ширина 20 *м* при рабочей силе в 117 тыс. лош. сил. Длина Ужмы не более 150 *м*, ширина 22 *м*, а высота 12 *м*; при меньшей длине Ужмы относительную силу падения этого водопада надо считать выше, чем у Иматры. Приблизительно она исчисляется в 150 тыс. лош. сил.

Подужемский водопад — красивейшее зрелище, особенно любопытное во время лесного сплава, когда бесстрашие карела состязается с бешеным ревом воды и ежеминутной опасностью погибнуть в бурлящей пучине. Здесь же можно наблюдать лов семги «заборами» и отведать ухи из только что пойманной рыбы.

Дальнейшими экономическими центрами (по направлению к северу) являются села Кереть и Кандалакша с их лесопильными заводами, и к югу от Кеми — Сумский посад (Сумы), стариннейшее беломорское поселение. От Сумского посада идет тракт на Повенец.

Центром Ухтинского района является с. Ухта, расположенное на западном берегу озера Ср. Куйто. Попасть в бухту можно только пешком и на лодках, так как сообщение на лошадях летом здесь невозможно. Путь на Ухту несколько утомителен, так как значительную часть его приходится проделать пешком. Зато обратный путь феерически быстр: река несет вас со скоростью, примерно, поезда Мурманской железной дороги! Вы проезжаете по тихому Куйто, минуете опасный порог Кинтизьму и вступаете за с. Юшкозеро в самую р. Кемь, где от с. Панозеро мчитесь по порогам до самой Ужмы. Иногда вы выходите на берег и смотрите, как гребцы переправляют вашу лодку через наиболее опасные места (порог Юма).

Вообще же для знакомства с северной Кемской Карелией очень хороший маршрут: с. Кереть — пешком до Кестеньги (на озере Топозеро, где есть остатки старообрядческого

скита); из Кестеньги заходите на Пявозеро до Оланги и затем через Мальвиани на Ухту, откуда водой—в Кемь.

На ю.-з. от Петрозаводска, в 16 верстах от Ладожского озера, лежит самый южный город Карельской республики — Олонец. Он существует более $7^1/_2$ столетий; его имя впервые упоминается в уставной грамоте 1137 г., когда Олонец был опорным пунктом новгородской колонизации и выдерживал борьбу с местным финским племенем — «емью». По писцовым книгам 1582 г. он носит название «Рождественского погоста» и представляет вместе со своими «выставками» — соседними погостами — владение новгородской софийской казны. Пограничное положение Олонца заставляет власть построить в 1649 г. на мысу, образуемом слиянием рек Олонки и Мегреги, на месте бывшей здесь деревушки Авксентьевой, деревянное укрепление в виде четырехугольника с 19 башнями; от этой крепости остались только следы глубокого рва, ее окружавшего. Пожар 1668 г. опустошил город и попортил укрепление, но в 1671 г. оно было снова возобновлено. Только после Полтавской победы, когда границы России были перенесены в глубь Финляндии, исчезла надобность в пограничной крепости, и она была заброшена. Теперь на этом месте находятся помещение уфинотдела, лавки и аасовня. В 1773 — 1776 гг. Олонец был центром Олонецкой провинции, а в 1776 г. объявлен даже областным городом Новгородского наместничества. В 1782 г. областное управление перенесено в Петрозаводск, и город перешел на положение уездного. Рост населения в Олонце чрезвычайно медленный: в 1897 г. было 1 246 чел. жителей, в 1917 — 1 337 чел. и в 1920 г. — 1488 чел. Экономическое значение Олонца ничтожно и в дореволюционное время поддерживалось не столько им, сколько окрестными селами: Иммалицы, Рышкала и Гомала, с их кожевенными заведениями, и Кутейжи (в 12 верстах) с Верхним Концом (в 20 верстах), где находились частные железоделательные заводы.

Переходим к заонежской части Карельской республики. Ее административным центром является г. Пудож, расположенный по обоим берегам р. Водлы и речек Журавки и Старой. Как населенный пункт, город упоминается, под именем Пудого, в Новгородской летописи под 1448 г. В 1785 г. он сделан уездным городом Олонецкого наместничества, затем в 1796 г. отчислен, в качестве заштатного, в Архангельскую губ. и в 1802 г. окончательно передан Олонецкой губ. В Пудоже по переписи 1923 г. — 2080 чел. жителей

Значение края для СССР.

Карелия — нераскрывшаяся сокровищница природных богатств. В первозданных породах, ее покрывающих, заложены великие возможности, ждущие своих исследователей.

Белый уголь, огромные лесные массивы, водоемы, наполненные рыбой, — все это ждет приложения живого человеческого труда, все это тоскует по человеку.

А сельское хозяйство, которое надо направить по новому руслу, сделать более прибыльным и вытекающим из естественных условий края? А морские промыслы, результат которых зачастую пропадает из-за отсутствия технических приспособлений?

Одним словом, везде возможно движение, везде есть почва для производительного, благодарного труда.

Но каково же значение всех этих перспектив для остальной России, для Союза в целом?

Возьмем наиболее яркий пример — лес.

В 1913 г. было вывезено за границу 463 812 пуд. различных лесных материалов на сумму около 165 млн руб. Большая часть их шла с севера СССР и, в частности, из пределов Карельской республики.

Сравним эту цифру с отпусками последних лет. Было вывезено сырых и полуобработанных лесных материалов:

ГОДЫ	Вывоз (в тыс. пуд.)	Ценность вывоза (в тыс. руб.)
1913	463 812	164 930
1921	9 598	3 854
1922	37 044	15 151
1925/26	115 800	—

По сравнению с довоенным цифры современного вывоза ничтожны. Но они растут, и Северу (в том числе и Карелии) предстоит огромная роль.

Значение Карелии должно возрасти не только в отношении внешней торговли, очень важной для нашего экономического баланса, — блестящая будущность ждет лесное дело и внутри страны. Использование водной энергии, отказ от продажи леса в сыром виде и развитие древомассной промышленности должны превратить лесные богатства края в источник непрекращающихся доходов и на нашем внутреннем рынке: мы откажемся от ввозной бумаги и прочих продуктов бумажного производства и будем гордиться книгой, напечатанной на своем, советском, материале.

То же самое в отношении рыбных богатств. С того момента, как по побережью Белого моря появятся консервные заводы, которые не дадут промышленнику губить значительную часть улова, с того момента, как мы научимся правильно солить и коптить рыбу, — она станет предметом массовой продажи и утратит сезонный характер. Сельдь, навага, семга, сиг, харпус и т. д. пойдут на широкий внутренний рынок не случайно, а в результате организованного и планомерного сбыта.

Горные богатства Карелии не обследованы. Мы не знаем, что таится в недрах земли. Развитие общего темпа жизни вызовет подъем и в этом направлении, в особенности в виду того, что прошлое края дает много оснований к новым попыткам, к новому проникновению в тайны земной коры.

И так везде и во всем.

Карелия, как заколдованная красавица, спит еще непробудным сном. Не нарушит ее покоя свисток полярного поезда и его медленный бег. Но близок час, когда по узкой ленте придорожной полосы придет сюда т р у д, оживотворенный государственным содействием и разумной волей. Проснется «край непуганной птицы», синих озер и «перезвона» сосен и раскроет свои дары на радость всего СССР.

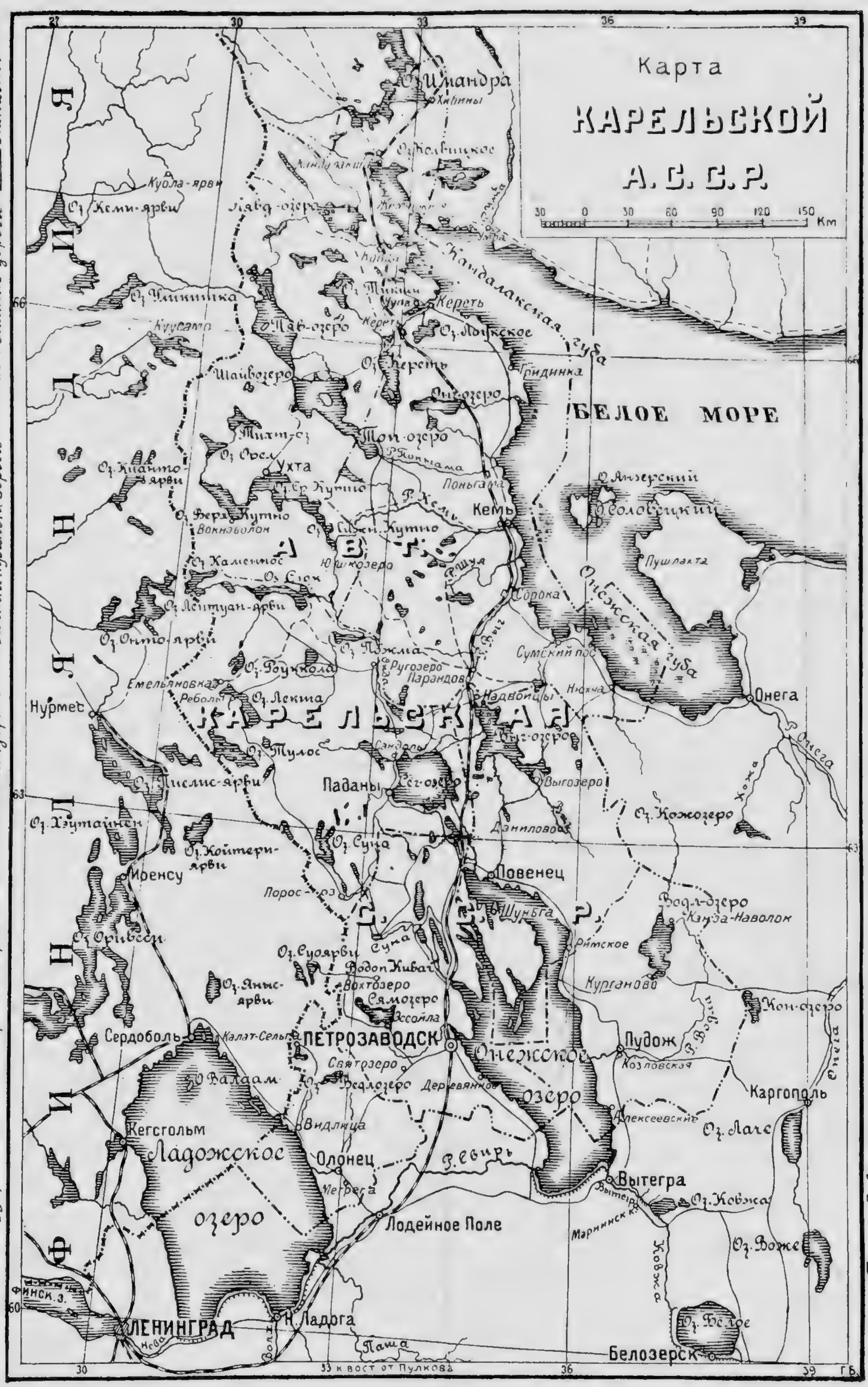
Исполнится вещее слово Вяйнемейнена, сказанное им при виде обломков чудесного Сампо, принесенных к берегам Суоми:

Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало:
И паханье, и посевы,
И различные растенья,
И блеск месяца отсюда,
Благодетельный свет солнца
На больших полях Суоми,
К дорогой моей отчизне.

Сампо — это т р у д свободного человека, рождающий из водяной пыли бесчисленные солнца — Динамо.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

116.

Карта
КАРЕЛЬСКОЙ
А. С. С. Р.
Км
БЕЛОЕ МОРЕ
КАРЕЛЬСКАЯ
ФИНЛЯНДИЯ
Оз. Имандра
Хибины
Кандалакшская губа
Куола-ярви
Оз. Кеми-ярви
Лявд-озеро
Оз. Чиннинка
Куусамо
Оз. Пяв-озеро
Кереть
Оз. Лоухское
Шайвозеро
Гридинка
Топ-озеро
Ухта
Оз. Киантоярви
Поньгама
Кемь
О. Анзерский
О. Соловецкий
Пушлахта
Вокнаволок
Оз. Каменное
Юшкозеро
Сорока
Онежская губа
Оз. Лентуан-ярви
Оз. Онто-ярви
Ругозеро
Парандов
Сумский пос.
Нюхча
Онега
Нурмес
Емельяновка
Реболы
Оз. Лекша
Надвойцы
Оз. Тулос
Сандаль
Выгозеро
Паданы
Сег-озеро
Оз. Хэутайнен
Оз. Кожозеро
Оз. Суна
Даниловос
Оз. Койтериярви
Иоенсу
Повенец
Шуньга
Водл-озеро
Римское
Оз. Оривеси
Оз. Суоярви
Сямозеро
Курганово
Оз. Яныс-ярви
Кон-озеро
Сердоболь
Калат-Сельга
ПЕТРОЗАВОДСК
Онежское озеро
Пудож
Козловская
Святозеро
Валаам
Каргополь
Кексгольм
Видлица
Алексеевский
Оз. Лаче
Ладожское озеро
Олонец
Р. Свирь
Вытегра
Лодейное Поле
Мариинск. к.
Оз. Ковжа
Оз. Воже
Ковжа
Финск. з.
ЛЕНИНГРАД
Нева
Н. Ладога
Волхов
Паша
Оз. Белое
Белозерск
33 к вост. от Пулкова
Границы государств.
Гран. А. Карел. ССР.
Жел. дор.
Почт. и трансп. дороги
Зимние дороги
Каналы
Гран. уездов

